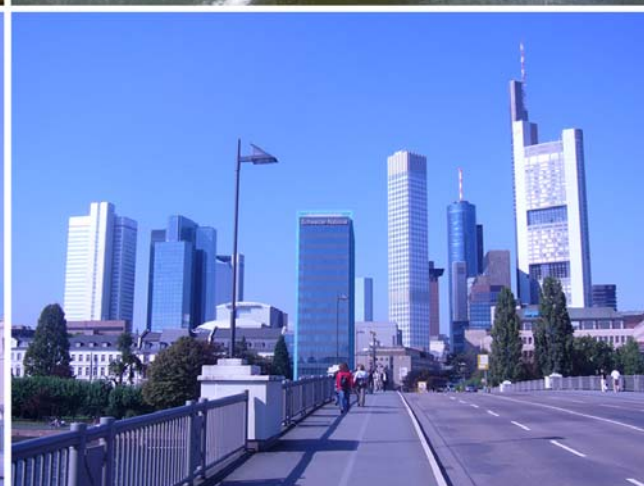
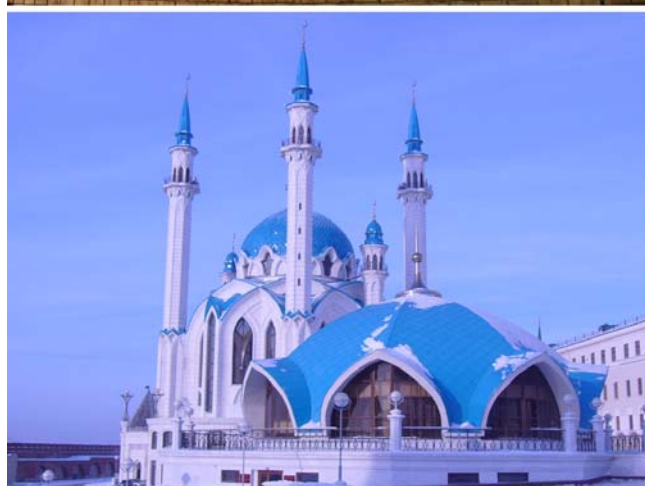
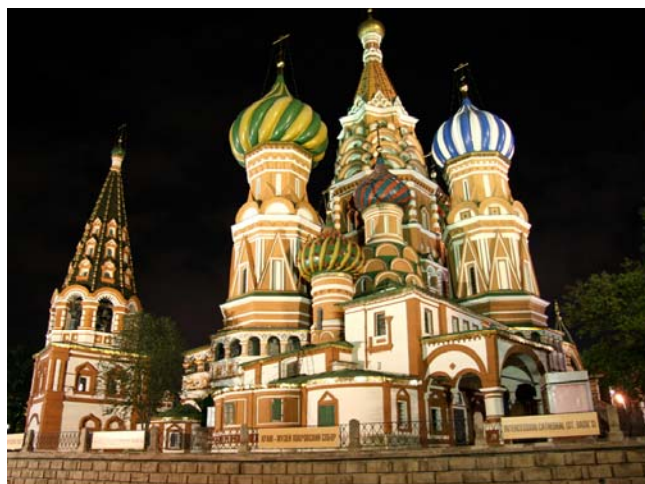

Р.М. Нуреев, Ю. В. Латов

Россия и Европа: эффект колеи

(опыт институционального анализа истории экономического развития)

Москва, 2009

Нуреев Р.М., Латов Ю.В.

Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). – Калининград. 2009. 294 с. : ил.

ISBN

«Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)» является первой российской монографией, характеризующей развитие России и Европы с использованием концепции зависимости от предшествующего развития. Основу настоящей книги составляют лекции, прочитанные авторами в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Государственном университете – Высшей школе экономики, Монгольском национальном университете в Улан-Баторе, Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова и ряде других вузов России (Новосибирском, Тамбовском и Кемеровском государственных университетах, в Южном и Сибирском федеральных университетах и др.).

В монографии рассматривается, как разошлись пути России и Европы, анализируется европейский путь развития через капитализм в постиндустриальное общество и особенности российского пути развития. В каждую главу специально введена рубрика «Балтийские истории» поскольку Балтика – это зона постоянных контактов России и Европы, что является главной темой этой книги. Данная монография может быть использована как учебное пособие к курсам экономической истории, экономической компаративистики и институциональной экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и факультетов, всех интересующихся актуальными проблемами современной экономической науки.

© Нуреев Р.М., Латов Ю.В. 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТ КОЛЕИ?	6
0.1. Институционализм как фундамент теорий экономической истории	6
0.2. Институциональная экономическая история и теория зависимости от предшествующего развития	11
0.3. Институциональная экономическая история, которую предстоит создать: история как конкуренция институтов	15
ЧАСТЬ I. КАК РАЗОШЛИСЬ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ	20
ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ПРИ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА	20
1.1. Генезис азиатского способа производства	21
1.2. Политарный обмен деятельностью	27
1.3. Эволюция азиатского способа производства во времени – от древнего мира до современности.....	32
1.4. Эволюция азиатского способа производства в пространстве – от Китая до России	35
ГЛАВА 2. У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧУДА (ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ)	44
2.1. Дуализм античного полиса и формы его разрешения	44
2.2. Рабство как экономический институт	50
2.3. Кризис полиса и причины возрастания роли государства.....	55
ГЛАВА 3. ШАГ НАЗАД, ДВА ШАГА ВПЕРЁД (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГРЕСС И ПРОГРЕСС В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ)	64
3.1. Генезис феодализма	65
3.2. Формы личной зависимости при феодализме	69
3.3. Классический феодализм: единство собственности и труда	72
3.4. Становление отношений вещной зависимости. Особенности рыночной экономики при феодализме.....	76
ГЛАВА 4. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ	85
4.1. Производственная среда российской цивилизации	85
4.2. Импорт в Россию институтов "восточного деспотизма"	89
4.3. Институциональная конкуренция в средневековой России.....	95
ЧАСТЬ II. ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ: ЧЕРЕЗ КАПИТАЛИЗМ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО	105
ГЛАВА 5. ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА: РОЛЬ ИНСТИТУТОВ, БЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	105
5.1. Институциональные предпосылки рыночной экономики.....	105
5.2. Так называемое первоначальное накопление капитала.....	110
5.3. Становление капитализма в Англии и Испании: сравнительный анализ.....	112
5.4. Три эшелона развития капитализма	113
5.5. Был ли генезис капитализма спонтанным процессом?	115

ГЛАВА 6. ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ - ФОРМИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.....	119
6.1. Три стадии развития капитализма в промышленности:.....	119
6.2. Экономические последствия промышленной революции. Золотомонетный стандарт и его эволюция.....	125
6.3. Последствия промышленной революции: неотрадиционные институциональные системы ...	128
6.4. Концепция перехода к самоподдерживающемуся росту.....	132
ГЛАВА 7. ЗРЕЛОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ОТ ЭПОХИ СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ – К МИРУ ОЛИГОПОЛИЙ	137
7.1. Технический прогресс в индустриальном обществе. Вторая промышленная революция.....	137
7.2. Развитие научной организации труда	143
7.3. Закат свободной конкуренции	147
7.4. Олигополизация мира.....	149
ГЛАВА 8. СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА 1914-1945 гг.	152
8.1. Первая мировая война: кризис, не нашедший разрешения	153
8.2. Великая Депрессия: кризис, обновивший экономику	160
8.3. Вторая мировая война: кризис, закрепивший институциональную перестройку.....	167
ГЛАВА 9. ЗАПАДНЫЙ МИР НА ПУТИ К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ.....	172
9.1. Теории постиндустриального общества как идеология регулирования.....	172
9.2. «Большой бизнес» как планирующая система	176
9.3. Национальное регулирование государственных и общественных организаций.....	179
9.4. Формирование институтов надгосударственного регулирования	191
9.5. Возрастание роли человеческого капитала как результата и предпосылки экономического развития	195
ЧАСТЬ III. РОССИЙСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	199
ГЛАВА 10. ПРОТИВОРЕЧИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ*	199
10.1. Освобождение от докапиталистических институтов.....	199
10.2. Формирование капиталистических институтов	205
10.3. Результаты капиталистической модернизации.....	210
ГЛАВА 11. КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА (УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ КОНТРОМДЕРНИЗАЦИИ.).....	217
11.1. Становление советской командной экономической системы	217
11.2. Планирование и монополизм - базовые институты советской экономики	221
11.3. Дефицит и бюрократия - "могильщики" советской командной экономики	229
ГЛАВА 12. ДЕМОНТАЖ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.....	238
12.1. Рыночные экономические реформы	238
12.2. Домохозяйства: нерыночное приспособление к рынку	243
12.3. Фирма: экономика физических лиц, патернализма, бартера и рэкета	246
12.4. Государство: исторические судьбы власти-собственности	250
ГЛАВА 13. РОССИЯ: РЕЗЕРВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	257
13.1. Углубление сырьевой специализации России на рубеже веков.....	258
13.2. Замедление научно-технического прогресса	263
13.3. Институциональные препятствия для роста рыночной экономики.	266
13.4. Поиск путей модернизации России	269

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОГДА И ГДЕ СОЙДУТСЯ ПУТИ РОССИИ И ЕВРОПЫ?	280
ВМЕСТО ЭПИЛОГА.....	287
SUMMARY	288
DIE ANNOTATION.....	291
CONTENTS.....	295

ВВЕДЕНИЕ. ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТ КОЛЕИ?

«..Эта книга представляет собой попытку анализа и объяснения некой социальной структуры и её связей. Если метод себя оправдает, им можно будет воспользоваться при изучении других периодов, других регионов. Неизбежные в любом исследовании ошибки, надеюсь, искупит новизна подхода».

Марк Блок

Проблема взаимоотношений России и Европы – одна из наиболее старых проблем российского обществоведения. Со времен Чаадаева отечественные мыслители мучительно пытаются понять: является ли Россия «особой» Европой? или она вообще не-Европа? если это так, то почему Россия не Европа? может ли она стать Европой? должна ли она к этому стремиться?..

С точки зрения физической географии эти вопросы не имеют смысла: географы считают центром Европы украинские Карпаты, так что вся центральная Россия – это безусловно Европа. Но вот с точки зрения социальной географии, принадлежность России к европейской цивилизации всегда у всех (и у россиян, и у «нормальных» европейцев) вызывала очень большие сомнения. Один маленький пример: выражение «прорубил окно в Европу», при помощи которого характеризуют получение Россией доступа в Балтийское море при Петре I, определенно свидетельствует, что Россия воспринимается как страна за пределами Европы, отгороженная от этой самой Европы какой-то стеной.

Чтобы понять, как соотносятся друг с другом современная Россия и современная Европа, необходимо взглянуть на историю их взаимоотношений. Кто правильно понимает прошлое, тот поймет настоящее и даже предскажет будущее.

Поэтому ключом к пониманию проблем взаимоотношений России и Европы мы считаем институциональную экономическую историю – историю, понимаемую как науку о процессах возникновения и развития «правил игры», определяющих отношения между людьми и механизм, побуждающий (стимулирующий или обязывающий) к их исполнению .

0.1. Институционализм как фундамент теорий экономической истории

Практически все ранее популярные и существующие в наши дни теории экономической истории были созданы в рамках или под влиянием леворадикальных экономических теорий – марксизма и институционализма. Это может показаться парадоксальным: ведь леворадикальная экономическая мысль никогда не входила в «мэйнстрим» экономической науки. Однако такое бесплодие классических и неоклассических теорий, которые в других сферах экономических знаний играли и все еще играют ведущую роль, глубоко закономерно.

Марксизм и институционализм (оба этих направления являются по существу разновидностями одной парадигмы) возникли и развивались как оппозиция сначала политической экономии, а потом «экономикс». Не случайно американский экономист Бен Селигмен назвал охарактеризовал старый институционализм как «бунт против формализма»¹. «Бунт» - потому что сначала марксисты, а затем институционалисты пытались выдвинуть концепции, альтернативные основному учению. «Против формализма» - потому что они стремились отразить в экономической теории не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии.

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. Ч. 1.

Чтобы понять причины столь высокой роли институционализма для теоретического осмысления экономической истории, кратко охарактеризуем методологическую основу «мейнстрима» (main stream) – классический либерализм.

Почему классическая и неоклассическая школы не могут создать теорий экономической истории

Все представители классической политической экономии и их наследники-неоклассики строили свои концепции на основе единого представления о природе человека, об обществе, о правительстве и т.д. Согласно классической либеральной парадигме, человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов; «общественные интересы» - как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы. Правительство, по мнению классических либералов, создается свободными людьми для защиты установленных конституцией прав, именно этой функцией государство и должно ограничиваться. Поскольку не существует объективных методов, позволяющих за индивидов определять их предпочтения, то именно индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, максимизируя свою функцию полезности.

Свобода – ключевая категория либеральной доктрины – трактуется как отсутствие принуждения, как синоним автономности и независимости. Публичная власть возникает только в результате соглашения индивидов, и только индивиды могут определить разумные границы этой власти. Равенство понимается как создание равных возможностей (а не как равенство результатов); при этом акцентируется внимание на равной защите прав, установленных конституцией. Суд должен осуществлять защиту прав в соответствии с конституцией и наказывать тех, кто нарушает права других. Экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать (уплатив, соответственно, наибольшую плату). Результатом является Парето-эффективность - ситуация, в которой ни один человек не может улучшить свое благосостояние, не ухудшая тем самым положение других людей.

Трактовка происхождения государства и права как результата свободного договора свободных индивидов ведет происхождение от популярной в новое время теории «общественного договора» (социального контракта). Эта концепция изначально была иллюзией особого рода – современностью, опрокинутой в прошлое. Она родилась в эпоху религиозных войн XVI-XVII вв., когда освященная традициями феодальная регламентация стала постепенно уступать место сознательному регулированию гражданского общества. Это было время обостренного понимания справедливости; честность и бизнес казались многим несовместимыми. Развитие контрактной этики, культуры соблюдения договоров стало действительно необходимым. Происходит коренное переосмысление прав и свобод, дарованных каждому индивиду «от рождения».

Теория общественного договора рассматривает свободу как «естественное состояние», основу которого составляют права на жизнь, на свободу и на собственность. Именно эти три права образуют конституционный базис гражданского общества. Каждое из этих прав создает предпосылки для другого, переходит в другое, создает себя как другое. Право на жизнь реализуется в деятельности, подчиненной счастью и выгоде. Право на свободу отрицает политическое рабство, деспотизм. Право на собственность выступает как предпосылка и гарантия этих прав. Свободная деятельность основывается на независимом суждении, индивидуальном выборе и сознательном целеполагании. Свобода совести, слова, печати, собраний выступает как важнейшая предпосылка независимой деятельности, выбора профессий, свободы передвижений.

Конечно, концепция “естественных прав” и “общественного договора” отражала не реальный процесс политогенеза, а программные требования “третьего сословия” в его борьбе с абсолютистским государством. Эта концепция является абстракцией, идеальным образом рыночного хозяйства, где все люди – простые товаропроизводители, действующие в условиях совершенной конкуренции. Таковы были методологические основы классической политической экономии, такими же остались и базовые основы неоклассики XIX-XX вв.

Таким образом, *парадигма классического либерализма (классика и неоклассика) принципиально антиисторична*. Она склонна выдавать законы и институты развитого рыночного хозяйства за универсальные, «искони присущие человеческой природе». Считая рынок вечным и повсеместным, она делает невозможным понимание не-рыночных (до-рыночных и пост-рыночных) общественных отношений. Классический либерализм эффективен главным образом для изучения «истории современности» - для экономической истории самых последних веков. За пределами «модернити» его креативные возможности сильно ограничены.

Как камералисты, марксисты и институционалисты создавали теорию экономической истории

Одним из первых критику классической политэкономии начал незаслуженно полузабытый в наши дни немецкий экономист Фридрих Лист (1789 – 1846). В своей «Национальной системе политической экономии» (1841) он впервые предложил подходить к политической экономии не как к описанию/конструированию универсальной и самой совершенной экономической системы, а как к исторической науке, которая изучает стадии и особенности экономического развития наций. Такой исторический подход был не случаен, ведь Ф. Листу хотелось в первую очередь отразить особенности развития своей страны. А что может быть более национальным, чем история? Поэтому, критикуя космополитическую экономию А. Смита, Ф. Лист выступал, прежде всего, как национальный экономист.

Если влияние Листа на марксизм остается пока дискуссионным, несомненно его влияние на немецкую историческую школу, подготовившую становление институционализма. Историческая школа стала протестом против формализма и абстракций классической политэкономии, в которой человек превратился во второстепенную деталь, своего рода рациональную акциденцию. Она отразила возросшее сознание роли, которую играет человеческий фактор в развитии человечества.

В своем развитии историческая школа прошла три этапа: старую (В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс), новую (Г. Шмоллер, К. Бюхер) и новейшую (В. Зомбарт, М. Вебер). Экономисты часто критикуют представителей немецкой исторической школы как сторонников эмпиризма без теории. Однако это не вполне справедливо.

Критикуя классическую политэкономия, Густав Шмоллер (1838-1917) действительно пропагандировал необходимость скрупулезного описания фактического хозяйственного поведения, но при этом подчеркивал роль неэкономических факторов развития, и прежде всего моральных норм, этики и культуры в хозяйственной деятельности. У Карла Бюхера (1847-1930) есть уже периодизация глобальной экономической истории на стадии («ступени») «замкнутого домашнего хозяйства», «городского хозяйства» и «народного хозяйства». Эта периодизация неудачна тем, что абсолютизирует отношения товарообмена. Однако К. Бюхер все же вышел за рамки либерального представления о «рынке всегда и везде», поскольку признал существование до-товарного хозяйства и разные степени зрелости самих отношений товарного обмена.

Макс Вебер (1864-1920) показал многообразие типов капитализма. Пожалуй, наибольшее воздействие на современников оказали идеи М. Вебера, сформулированные им в монографии

"Протестантская этика и дух капитализма"². Эта работа напрямую связала генезис рыночного хозяйства со спецификой европейской цивилизации, с уникальностью протестантской ментальности. Тем самым она остро поставила вопрос о традиционализме жизни в других странах, о невозможности в связи с этим быстрой капиталистической модернизации тогдашней периферии мирового хозяйства. Его идеи нашли полемический отклик в трудах Вернера Зомбарта (1863-1946), который анализировал роль институтов в формировании своеобразных черт экономического строя, рассматривая генезис современного капитализма как своеобразное проявление жизни духа.

Вернер и Зомбарт были современниками основоположника институционализма, американского экономиста Торстейна Веблена (1857-1929). Немецкая историческая школа передала первым институционалистам «эстафету» критики неоклассики с позиций отрицания «вечных» рыночных законов.

Чтобы понять, почему институционалисты устойчиво проявляют интерес к экономической истории, напомним смысл ключевого для них понятия «институт».

Таблица 0-1

Современные "большие теории" общественного развития

"Большие теории"		Создатель и последователи	Типология экономических систем
Марксизм (с 1860-х)		К. Маркс; В.И. Ленин, К.-А. Виттфогель; В.П. Илюшечкин, Ю.И. Семенов	Ортодоксальная версия: первобытность, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм. В неортодоксальных версиях предлагается выделять иные типы (азиатский способ производства, рентный способ производства и др.)
Цивилизационные теории	Цивилизационно-конфессиональные (с 1900-х)	М. Вебер; С. Хантингтон	По культурно-конфессиональным ареалам: западная христианская, восточная христианская, конфуцианская, исламская и др.
	Цивилизационно-национальные (с 1930-х)	А. Тойнби; Р. Ла Порта, Г. Хофстед, Ф. Фукуяма; Н.С. Розов	По культурно-национальным ареалам: англосаксонская, европейско-континентальная, дальневосточная и др. По странам: французская, шведская, германская, американская, японская, российская и др.
Теория форм обмена (с 1940-х)		К. Поланьи; Дж. Дальтон, М. Салинз	Реципрокность, редистрибуция, рынок
Постиндустриального общества (с 1960-х)		Д. Белл; О. Тоффлер, М. Кастельс	Доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество
Мир-системный анализ (с 1970-х)		И. Валлерстайн; Ф. Бродель, Дж. Арриги, А. Франк	Локальные общности, мир-империи (древнеперсидская, древнеримская, арабская, испанская и др.), мир-экономики (финикийская, средневеково-европейская, средневеково-арабская, европейская капиталистическая и др.)
Новая экономическая история (с 1980-х)		Д. Норт; А. Греф, Д. Уоллес	Первобытный строй, социальный строй с ограниченным доступом, социальный строй с открытым доступом

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–135.

Когда в 1918 г. Уилтон Гамильтон ввел это понятие, он определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа». С его точки зрения институты фиксируют устоявшиеся процедуры, отражают общее согласие, сложившуюся в обществе договоренность. Позже под институтами понимались обычаи, корпорации, профсоюзы, государство и т. д. В наши дни под институтами обычно понимают «правила игры в обществе» (созданные людьми ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми), а также *системы мер (организации), обеспечивающие выполнение этих правил*. Институты создают структуру побудительных мотивов взаимодействия людей, уменьшают неопределенность, организуя повседневную жизнь.

Таким образом, институционалисты принципиально рассматривают ныне существующие хозяйственные практики не как нечто вечное и «естественное», а как лишь как один из многих известных в истории наборов «правил игры». Поэтому для историков институциональные экономические теории являются естественной опорой, а мышление институционалистов всегда имеет исторический характер.

Спектр современных теорий экономической истории

Тесная связь именно с институциональным «экономиксом» сохраняется на протяжении всей истории историко-экономической науки, вплоть до наших дней.

В современном мировом обществоведении можно встретить не менее полудюжины научных парадигм, претендующих в той или иной степени на статус «большой теории». Одни из них имеют более чем столетнюю биографию, другие же родились в последние десятилетия (Табл. 0-1). Абсолютно все они являются институциональными.

Наряду с перечисленной шестеркой "больших теорий" есть еще немало теорий, так сказать, среднего уровня. "Средние теории" тоже рассматривают отдельные глобальные, многовековые тенденции общественного развития, однако сами по себе не могут привести к созданию оригинальной типологизации экономических систем. К числу таких "средних теорий" относятся, например, складывающаяся с 1990-е гг. и связанная с синергетической парадигмой теория зависимости от предшествующего развития (П. Дэвид, Б. Артур), которая анализирует ситуации случайного/сознательного выбора новых стратегий развития в бифуркационных точках³.

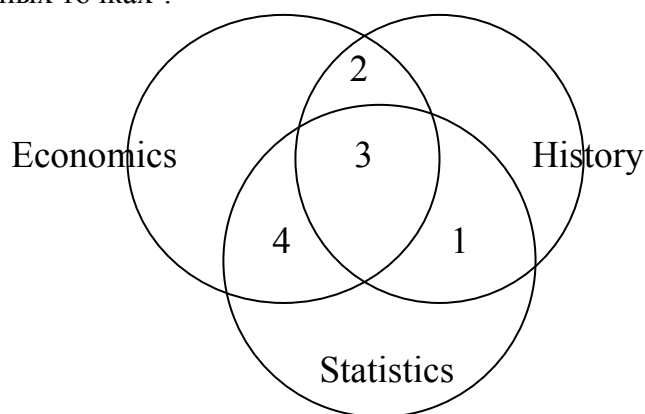

Рис. 0-1. Взаимодействие экономической теории, исторической и статистической наук.

1 – квантитативная история без «экономикса»; 2 – теоретическая экономическая история без экономико-математического моделирования; 3 – теоретическая экономическая история с экономико-математическим моделированием; 4 – эконометрика (к клиометрике относятся области 1 и 3, к новой экономической истории – 1, 2, 3).

³ Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

Особое внимание следует обратить на интенсивное использование в современных теориях экономической истории клиометрических (экономико-математических, основанных на исторических базах данных) моделей⁴. Современная экономическая история развивается чаще всего на стыке сразу трех областей научного знания (Рис. 0-1) – институциональной экономической теории, исторической и статистической наук.

Предлагаемая нами модель вбирает идеи институционализма. В основе этого подхода лежит соединение неинституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой как марксистами, так и «старыми» институционалистами. Что касается других концептуальных подходов к экономической истории, то их можно ввести в мега-теорию как ее частные компоненты.

В монографии активно используются также различные идеи цивилизационных подходов. В частности, различия между путями развития России и (Западной) Европы трактуются двояко: с одной стороны, как различия между обществами восточного и западного путей развития, с другой стороны, как различия между цивилизациями-соседями, которые активно влияют друг на друга, осуществляя экспорт и импорт институтов.

Данная теория экономической истории призвана определенным образом синтезировать лучшие идеи всех этих парадигм. Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на трактовке общества, рассматриваемого не как механическая сумма индивидов, а как система социальных организаций и социальных норм. В этом случае существующие «большие» теории не противоречат, а дополняют друг друга.

Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать *трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор – отчасти осознанный, отчасти стихийный – наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества.

0.2. Институциональная экономическая история и теория зависимости от предшествующего развития

Трактовка институтов как сознательно и/или стихийно складывающихся «правил игры» естественным образом ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов. Но есть и другая сторона проблемы изменчивости институтов. Речь идет об институциональной инерции, которая стала главным объектом изучения своего рода «новейшей экономической истории». Речь идет о возникшей в 1980-е гг. теории Path Dependency, основы которой заложены американскими экономистами-историками Полом Дэвидом и Брайаном Артуром.

***От QWERTY-номики – к
экономической теории
стандартов и альтернативной
экономической истории
технологий***

Название теории Path Dependency принято в отечественной литературе переводить как «зависимость от предшествующего развития». Она тоже обращает внимание на институциональные изменения и на роль институтов в технических изменениях. Однако если в «нортовской» новой

экономической истории главный акцент сделан на том революционизирующем влиянии, которое оказывают правовые инновации и изменение транзакционных издержек на

⁴ Клиометрику определяют как «применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития», как соединение идей истории, экономики и статистики (Уильямсон С. История клиометрики в США. С. 76, 78).

социально-экономическое развитие, то в теории зависимости от предшествующего развития основное внимание обращается на инерционность развития. Иначе говоря, если последователи Д. Норта изучают, как *становятся возможны институциональные инновации*, то последователи П. Дэвида и Б. Артура, наоборот, – на то, *почему институциональные инновации далеко не всегда возможны*. Кроме того, если Д. Норт при изучении институтов акцентирует внимание на правах собственности, то П. Дэвид и Б. Артур – на неформальных механизмах выбора.

Поскольку оба эти аспекта связаны друг с другом, как орел и решка, то происходит интенсивное взаимодействие и взаимообогащение этих двух институциональных теорий экономической истории. Характерно, что Д. Норт в своей книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» очень оперативно откликнулся на только-только начавшие приобретать популярность идеи «новых экономистов» и включил их в свою концепцию как один из ключевых ее компонентов.

Формирование теории Path Dependency началась в 1985 г., когда П. Дэвид опубликовал небольшую статью⁵, посвященную такому, казалось бы, мелкому вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств (подробное изложение этого сюжета см. в гл. 7). Он доказывал, что хорошо нам знакомая QWERTY-клавиатуры печатающих устройств стала результатом победы *менее* эффективного стандарта над *более* эффективными. Изучение экономической истории технических стандартов, начатое после пионерных работ П. Дэвида и Б. Артура, показало необычайно широкое распространение QWERTY-эффектов едва ли не во всех отраслях (подробнее см. гл. 6).

Под QWERTY-эффектами в современной научной литературе подразумевают все виды сравнительно неэффективных, но устойчиво сохраняющихся стандартов, которые демонстрируют, что «история имеет значение». Эти эффекты можно обнаружить двумя путями –

1. либо сравнивать *реально сосуществующие* в современном мире технические стандарты,
2. либо сопоставлять *реализованные* технические инновации с *потенциально возможными, но не реализованными*.

Хотя современная экономика давно глобализируется и унифицируется, в разных странах мира продолжают сохраняться разные технические стандарты, не совместимые друг с другом. Некоторые примеры общеизвестны – например, различия между левосторонним (в бывшей Британской империи) и правосторонним движением на дорогах разных стран, что заставляет одних автопроизводителей ставить на машины руль слева, а других – справа. Другие примеры менее известны, как, скажем, различия в ширине железнодорожной колеи или в стандартах передачи электроэнергии.

В сравнении с изучением соревнования разных технических стандартов несколько более умозрительным, но и более многообещающим является анализ «несостоявшейся экономической истории». Речь идет о том, что, по мнению многих историков-экономистов, некоторые победившие из-за конъюнктурных обстоятельств технические инновации перекрыли другие, потенциально более эффективные пути развития.

Теория зависимости от предшествующего развития и близкие к ней научные исследования по альтернативной истории основаны не на неоклассическом «экономиксе» (как «фогелевская» новая экономическая история), а на метанаучной парадигме синергетики, связанной с идеями известного бельгийского химика Ильи Пригожина (тоже Нобелевского

⁵ David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2.

лауреата), создателя теории самоорганизации порядка из хаоса⁶. Согласно разработанному им синергетическому подходу, развитие общества не является жестко предопределенным (по принципу «иного не дано»). На самом деле наблюдается чередование периодов эволюции, когда вектор развития изменить нельзя (движение по аттрактору), и точек бифуркации, в которых возникает возможность выбора. Когда «QWERTY-экономисты» говорят об исторической случайности первоначального выбора, они рассматривают как раз бифуркационные точки истории — те ее моменты, когда происходит выбор какой-либо одной возможности из веера различных альтернатив. Выбор в таких ситуациях практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства – по принципу «бабочки Брэдли».

Итак, после многочисленных исследований QWERTY-эффектов историки-экономисты с изумлением обнаружили, что многие окружающие нас символы технического прогресса приобрели хорошо знакомый нам облик в результате, в общем-то, во многом случайных обстоятельств, и что мы живем вовсе не в лучшем из миров.

***От QWERTY-номики – к
экономической теории Path
Dependence и альтернативной
экономической истории
институтов***

Самое главная из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции П. Дэвида, заключается в том, что победу изначально выбранных стандартов/норм над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В 1990-е гг. появилось немало исследований, включая работы самого Дугласа Норта, развивающих эту новое направление использования QWERTY-подхода. Английский ученый Д. Пуфферт прямо заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими»⁷.

Если при описании истории технических инноваций чаще пишут о QWERTY-эффектах, то в рамках анализа институциональных инноваций обычно говорят о Path Dependency – зависимости от предшествующего развития. Впрочем, оба этих термина многие используют как синонимичные. Сам П. Дэвид дал Path Dependency определение следующим образом: «зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности»⁸.

⁶ С. Марголис и С. Либовиц в своей энциклопедической статье о Path Dependence четко указывают, что «зависимость от предшествующего развития – это идея, которая пришла в экономическую теорию от интеллектуальных движений, возникших в другой сфере. В физике и математике эти идеи связаны с теорией хаоса» (Margolis S.E., Liebowitz S.J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law. Ed. by P. Newman. L.: Macmillan, 1998). См. также: Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98-118.

⁷ Puffert Douglas J., 2003a. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change. Ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, and W. Whatley. Stanford: Stanford University Press, 2003 (http://www.vwl.uni-muenchen.de/ls_komlos/nettech1.pdf). См. также: David P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // Structural Change and Economic Dynamics. 1994. Vol. 5. № 2.

⁸ David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332.

В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях – во-первых, на уровне *отдельных институтов* (правовых, организационных, политических и т.д.), а во-вторых, на уровне *институциональных систем* (особенно, национальных экономических систем).

К настоящему времени накопилось много исследований, анализирующих зависимость от предшествующего развития и в формировании самих институтов – золотого стандарта, систем общего и гражданского права, центрального банка и т.д.

Важный вклад в экономическую теорию институциональных изменений внес российский экономист Виктор Меерович Полтерович, рассмотревший на примере постсоветской экономики такую любопытную разновидность зависимости от предшествующего развития как «институциональная ловушка»⁹. Речь идет о том, что среди путей развития возможны варианты, которые более выгодны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном они не просто менее эффективны, чем альтернативные (зарубежные экономисты рассматривали именно такие случаи), но делают дальнейшее развитие просто невозможным. Именно таков был, в частности, эффект от развития в постсоветской России бартерной экономики: она позволяла временно решать проблемы малоэффективных предприятий, однако делала невозможной сколько-нибудь решительную реструктуризацию производства (подробнее см. главу 14).

Что касается сравнительного анализа национальных экономических систем как институциональных рамок хозяйственной эволюции, то он имеет в экономической науке довольно давнюю традицию. Можно вспомнить хотя бы хрестоматийные для российских обществоведов старшего поколения работы В.И. Ленина (например, написанную в 1908 г. «Аграрную программу социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов»), посвященные сравнению прусского (юнкерского) и американского (фермерского) путей развития капитализма в сельском хозяйстве¹⁰. Он подчеркивал, что главным тормозом развития капитализма в России является именно феодальное наследие, которое проявляется не только в помещичьем землевладении, но и в общинном землепользовании. В зарубежной историко-экономической науке можно вспомнить, например, теорию эшелонов развития капитализма по А. Гершенкрону¹¹, согласно которой путь развития страны «программируется» на века вперед тем, смогла ли она прийти к капитализму самостоятельно (первый эшелон), или же внешнее влияние инициировало внутренние источники саморазвития (второй эшелон), либо капитализм остается «присадкой извне» (третий эшелон). В этом же ключе работал и Д. Норт, указывая на глубокие и труднопреодолимые различия между развитием Латинской Америки, унаследовавшей институты отсталой Испании, и Северной Америки, развивавшейся под влиянием более передовых английских институтов.

Применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках социально-экономического развития.

⁹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

¹⁰ См., например: Ленин В.И. ПСС. Т. 16. С. 215-219.

¹¹ Herschenkron A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.), Harvard University, 1962. P. 353-364.

0.3. Институциональная экономическая история, которую предстоит создать: история как конкуренция институтов

Институциональная конкуренция Технические инновации, которые при ортодоксально-марксистских подходах считались главным «мотором» развития общества, в рамках институциональной парадигмы рассматриваются как результат институциональных инноваций, порождающих спрос на новые технологии и создающих условия для их внедрения в хозяйственную практику. Впрочем, возможно и обратное влияние технических нововведений на экономические институты, которое особенно усиливается в эпоху новейшей истории.

Главным теоретическим принципом нового подхода является тезис о *конкуренции как главном содержании экономической истории*¹². Эта конкуренция прослеживается в двух аспектах:

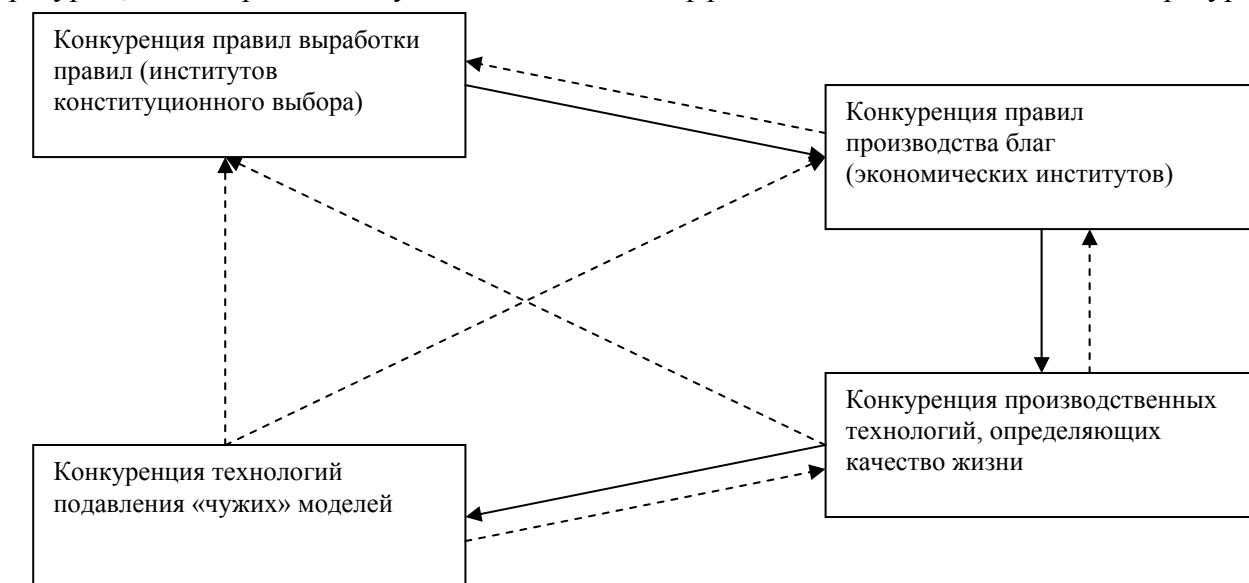
- 1) конкуренция институтов («правил игры»);
- 2) конкуренция экономических систем – комплексов институциональных норм.

В процессе конкурентного отбора соревнуются многие нормы и системы, частично субституциональные по отношению друг к другу. В ходе этой конкуренции происходит отбор тех институтов и тех экономических систем, которые наиболее эффективны.

Анализ институциональной конкуренции требует освещения двух основных вопросов:

- 1) Ради чего ведется конкуренция?
- 2) Каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов?

Ответ на первый вопрос связан с узловым для современно экономической теории понятием «ограниченности ресурсов». Люди, вовлеченные в ту или иную институциональную систему, постоянно испытывают нехватку чего-либо (работников, плодородной земли, капиталов, полезных ископаемых и т.д.). Восполнить эту нехватку можно двумя путями – либо «взять у природы» (создавать новые технологии материального производства), либо «взять у других». Под «другими» здесь понимаются как раз представители иной институциональной системы, а «взять» означает либо отнять чужие ресурсы, либо перенимать чужие методы более эффективного использования своих ресурсов.

¹² При формулировании концепции конкуренции как механизма исторического развития авторы опираются не только на ранее перечисленные теории исторического развития, но и на идеи «конкуренции как процедуры открытия», предложенные Ф. фон Хайеком (Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 5-14).

Рис. 0-2. Уровни конкуренции региональных (национальных) моделей экономики.

Институциональную конкуренцию можно, казалось бы, считать экстенсивным путем социально-экономического развития, поскольку она направлена на расширение количества ресурсов, находящихся в распоряжении какой-либо одной институциональной системы, а не на увеличение эффективности их использования в рамках разных систем. Однако именно конкуренция систем заставляет их мобилизовать свои способности по повышению эффективности использования ресурсов. Поэтому без институциональной конкуренции интенсивный путь социально-экономического развития тоже вряд ли возможен. (Отсюда, кстати, вытекает необходимость институционального разнообразия. Если будет господствовать одна-единственная институциональная система, то она в значительной степени потеряет стимулы к совершенствованию.)

Таким образом, объективная цель институциональной конкуренции – это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов «правил игры».

Ответ на второй вопрос таков: в столкновении разных институтов побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию («побеждают те, которые побеждают»). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов – на их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить самым разным образом: либо «экспортом институтов» прямым военным насилием (завоевание Америки в XVI-XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в «импорте институтов» (современная политика США в отношении остального мира).

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) является отражением других уровней конкуренции (см. Рис. 0-3). Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) более сильны те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Правы большие батальоны», вооруженные более современным оружием и желающие отстаивать свой образ жизни. Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ – на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов.

В этой схеме есть, конечно, не только прямые, но и обратные зависимости. Так, появление среди технологий подавления «оружия непрофессионалов» (например, простого и дешевого огнестрельного оружия в XIX в.) ведет к росту конкурентоспособности правил конституционного выбора, поскольку самые широкие слои населения могут весомо настаивать на своем участии в выборах.

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» нашей схемы становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система «лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться» и наступать. Если некая институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не дает защиты от внешней агрессии, то такая система заведомо не конкурентна в долгосрочном периоде. Именно такая ситуация сложилась, например, в годы Гражданской войны в России, когда «зеленая» (махновская) модель была для очень значительной части крестьян привлекательнее и «красной», и «белой» моделей, но не обеспечивала им эффективной защиты от «человека с ружьем».

В том случае, когда силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход их противоборства может быть решен во многом случайными обстоятельствами. Именно так

произошло в ходе конкуренции между Москвой и Великим княжеством литовским (Русско-литовским государством) в XIII-XVI вв., когда конфессиональный выбор правящей династии Литвы лишил их возможности «разыгрывать русскую карту».

Критерий эффективности конкурирующих институтов и систем можно сформулировать и как их способность повышать благосостояние людей – благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только «здесь и сейчас», но и в долгосрочном аспекте). Дело в том, что мобилизационная способность конкурирующих институтов и систем определяется именно тем, насколько люди могут и желают их отстаивать.

Следует подчеркнуть, что в силу зависимости от предшествующего развития эффективность институтов и систем может заметно различаться в среднесрочном и в долгосрочном периодах. Поэтому первоначально побеждавшие в конкуренции нормы и системы могут затем потерять свой конкурентный потенциал и оказаться «институциональной ловушкой».

В силу множественности конкурирующих институтов и систем процесс развития общества является многоуровневым и многолинейным:

- соревнуются разные общественные системы (в частности, в первой половине XX в. – командная индустриальная с рыночной индустриальной);
- соревнуются разные цивилизационные и национальные системы (так, в XX в. внутри командной системы соревновались советская, китайская и восточноевропейская подсистемы);
- соревнуются различные институты внутри цивилизационных и национальных экономических систем (например, в США XX в. шло соревнование между прямыми, кейнсианскими, и косвенными, неоклассическими, методами регулирования экономики).

Важно подчеркнуть, что каждый из институтов развивается не изолировано, а как элемент определенной институциональной системы. Поэтому институциональная конкуренция, как правило, является конкуренцией «пакетов» взаимосвязанных институтов. Если один институциональный «пакет» в целом эффективнее другого, то доминирующими становятся все его компоненты, даже если отдельные институты из предпочтительного «пакета» хуже соответствующих институтов менее конкурентного пакета. Так, во время конкуренции в XIII – XV вв. московской и новгородской моделей русской государственности победила московская модель, поскольку именно она позволяла обеспечивать более высокую обороноспособность. При таком высшем критерии эффективности экономическая и политическая демократия новгородской модели уступили место помещичьей системе и царскому деспотизму (подробнее см. главу 11).

Таким образом, *экономическая история* предстает как *последовательность институциональных выборов – выборов траекторий развития*, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Институциональный выбор

Институциональный выбор – это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вариант из нескольких потенциально возможных. Понятие «институциональный выбор» практически сливается с понятием «институциональной инновации», поскольку вряд ли есть хоть одна социально-экономическая проблема, которую можно решить одним-единственным образом.

Рождение новых институтов и экономических систем может являться «ответом» на «вызов» каких-либо внешних факторов, но чаще является результатом саморазвития самого общества – конкуренции ранее существовавших институтов.

Изменения в формальных правилах (или в механизмах, обеспечивающих их соблюдение) обычно требуют весьма значительных затрат ресурсов, что ограничивает возможности институционального выбора. Экономические субъекты участвуют в институциональном выборе, направляя свои таланты и знания на поиск выгодных возможностей через создание как конечных, так и промежуточных организаций, которые действуют в экономической и в политической сферах, обеспечивая требуемые изменения в формальных правилах. Экономические изменения формальных правил могут происходить и довольно быстро, если старые институты внезапно сломаны или временно нейтрализованы (как это бывает в периоды революций или завоеваний). Чаще, однако, эти изменения происходят медленным эволюционным путем.

Что же касается изменений в неформальных правилах, то они осуществляются только постепенно. Темп изменений здесь совсем иной, более медленный, здесь важную роль играют культура (как механизм передачи ценностей и норм от одного поколения к другому), случай и естественный отбор.

Важную роль в институциональных изменениях играют организации. Организация, в самом широком смысле слова – это группа людей, объединенная стремлением сообща достичь какой-либо цели. Стремясь максимизировать благосостояние, организации и их руководители формируют направление институциональных изменений. Существуют две основные стратегии изменений: одна осуществляется в рамках существующего набора ограничений, другая требует изменения самих ограничений.

Процесс изменений обычно включает как организационные эксперименты, так и устранение организационных ошибок. Проблема, однако, заключается в том, в какой степени общество допускает эти организационные изменения, в какой степени оно заинтересовано в устранении организационных ошибок.

Долгосрочные экономические изменения являются, как правило, результатом накопления множества краткосрочных решений политических и экономических агентов. Выбор, которые делают агенты, отражает их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько верны эти представления. Поскольку модели поведения людей отражают идеи, идеологию, убеждения (которые, в лучшем случае, лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью), то последствия сознательно принятых решений часто являются не только неопределенными, но и непредсказуемыми. Поэтому исторический процесс всегда допускает альтернативность, хотя и в разной мере в различные периоды.

Идеология в широком смысле слова является важным механизмом координации краткосрочных и долгосрочных приоритетов людей. Если бы не было идеологических мотивов, то люди делали выбор с ориентацией только на удовлетворение своих личных краткосрочных интересов. Поэтому институциональный выбор проходит в атмосфере соперничества идеологий, которые сами являются одним из институтов конституционного выбора.

Институциональный выбор имеет иерархическую структуру, отражающую иерархию уровней институциональной конкуренции: выбор отдельных экономических институтов зависит от предварительного выбора институтов конституционного выбора и сам оказывает определяющее воздействие на выбор производственных технологий.

Отбор более совершенных институтов и экономических систем может происходить разными способами: как стихийно (неосознанно), так и сознательно. По аналогии с

изучаемой теорией общественного выбора проблемой выбора правил принятия решений, можно говорить о конкуренции способов отбора институтов как о высшем уровне институциональной конкуренции в экономической истории.

* * *

Объяснив ту теорию, которую авторы данной книги намерены применять при анализе институционального развития России и Европы, мы переходим к изложению того, как и почему разошлись их пути развития.

Наша книга является результатом длительного опыта преподавания авторов в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Государственном университете – Высшей школе экономики, Монгольском национальном университете в Улан-Баторе, Российском экономической академии им. Г.В. Плеханова и ряде других вузов России (Новосибирском, Тамбовском и Кемеровском государственных университетах, в Южном и Сибирском федеральных университетах и др.). Поскольку книга издается под эгидой Балтийского МИОНа, в каждую главу специально введена рубрика «Балтийские истории». Это сделано не только из уважения к издателям нашей книги, но и потому, что история стран балтийского региона демонстрирует много очень любопытных и малоизвестных фактов экономической истории. Кроме того, Балтика – это зона постоянных контактов России и Европы, что является главной темой нашей книги.

Книга родилась как результат долгих дискуссий между авторами, почти в каждой главе отразились результаты совместных обсуждений.

Введение и главы 1, 6, 7, 9, 10 и заключение написаны Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым совместно, главы 2, 3, 5, 11, 12 и 13 - Р.М. Нуреевым, главы 4 и 8 - Ю.В. Латовым

В заключение хочется выразить слова признательности всем тем, кто помог в подготовке настоящей монографии к печати, и в первую очередь, к.э.н. доценту Сергею Георгиевичу Шульгину, аспиранту Евгению Валерьевичу Маркину и магистру Дмитрию Игоревичу Кондратову.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОГДА И ГДЕ СОЙДУТСЯ ПУТИ РОССИИ И ЕВРОПЫ?

...Обаяние истории в том, что поиски никогда не кончаются.
Марк Блок

*Эй, вы, задние! Делай, как я.
Это значит - не надо за мной.
Колея эта - только моя!
Выбирайтесь своей колеей!*
Владимир Высоцкий

Завершая книгу, авторы хотят подвести некий итог своих рассуждений о путях и тупиках развития России и Европы.

Взгляд в прошлое

Итак, современная Россия – это Европа и НЕ-Европа в одно и то же время. Хотя наши пути разошлись довольно давно, они постоянно сталкиваются и переплетаются друг с другом.

Возможно, на ранней догосударственной стадии (более двух тысячелетий тому назад) позднепервобытные германские и восточно-славянские племена практически ничем (с точки зрения теории экономических систем) не отличались друг от друга, являясь далекой варварской периферией античного мира. Затем их пути начали медленно, но неуклонно расходиться.

Германские племена уже в первые века нашей эры стали активно контактировать с Римской империей – сначала как враги, потом как союзники, затем как своего рода «наследники». В эпоху Великого переселения народов, когда франки, англосаксы и германцы «завоевывали родину», восточные славяне практически не принимали участия в делёжке «римского наследия». Первые государства стали появляться на территории России заметно позже «варварских» королевств Западной Европы. Если верить хронологии «Повести временных лет...», то Рюриковичи основали Киевскую Русь более чем через полвека после распада империи Карла Великого – первой попытки создать Объединенную Европу.

Эпоха Киевской Руси – время, когда наша страна, вероятно, еще была Европой (точнее говоря – раннефеодальной Европой), хотя, конечно, она была «другой Европой». С одной стороны, крещение по православному (византийскому) обряду еще немного отдалило Русь от католической Европы. С другой стороны, многочисленные браки европейских правителей с дочерьми русских князей (вспомним хотя бы Анну Ярославну – королеву Франции XI в.) показывают, что наших далеких предков европейцы тогда считали скорее «своими», чем «чужими».

Поворотной точкой в истории взаимоотношений Европы и России стал первый в нашей истории кровавый 37-й год. После татаро-монгольского нашествия 1237-1241 гг. Русь раскололась. Северо-Восточная Русь, данница Золотой Орды, превратилась из окраины Европы в окраину Азии, в периферийный вариант азиатского способа производства. Северо-Западная Русь (Новгород и Псков) и Южная (точнее – Юго-Западная) Русь смогли еще на несколько веков остаться «другой Европой», демонстрируя хотя и специфические, но все же феодальные институты.

Объединение русских земель в XIV-XVII вв. стало национальным возрождением, но и национальной трагедией (насколько вообще можно говорить о «национальном» применительно к той эпохе). Мы, современные россияне, изучаем родную историю с «московской» точки зрения. Нам трудно даже задуматься о том, что завоевание Москвы Литвой в XIV в. открыло перед российской цивилизацией гораздо лучшие перспективы

развития, чем те, которые реализовались в реальной истории. Россия Гедиминовичей была бы, скорее всего, гораздо более европейской страной, чем Россия Рюриковичей. К сожалению, московские князья оказались более «пассионарными», чем литовские. В результате к XVII в. Западная Россия как «другая Европа» постепенно исчезла, а Восточная Россия стала единственной Россией и – не-Европой.

Экономисты, изучающие зависимость от предшествующего развития, говорят об «эффекте блокировки»: после того как сделан некий выбор, определяющий сущность системы, дальнейшие изменения будут легко идти в ту же сторону, но очень тяжело – в обратную. История России нового и новейшего времени отлично демонстрирует этот эффект. Осознание необходимости перехода к институтам частной собственности и эффективной организации их спецификации происходило «со скрипом». Зато насаждение передельной общины с круговой порукой прошло как-то совершенно незаметно, так что даже современные историки не могут вполне понять механизм этой «тихой контрреволюции». А срыв 1917 г. вообще за несколько месяцев ликвидировал результаты строительства институтов частной собственности едва ли не за предшествующие два века.

В советский период Россия последовательно позиционировала себя не просто как не-Европа, а скорее как контр-Европа. Правда, «экспорт коммунизма» пришлось ограничить Восточной и отчасти Центральной Европой. А затем начался новый виток европеизации – сначала неявной, а затем (с конца 1980-х гг.) вполне сознательной. Но уже в начале 2000-х гг. стало очевидным, что Россия и Европа имеют слишком различные модели капиталистической экономики и остаются в лучшем случае стратегическими союзниками. В России после «дикого капитализма» 1990-х гг. под лозунгами патриотического этатизма начали усиливаться авторитарные институты (вплоть до регенерации однопартийной системы). Конечно, Россия слишком велика и разнообразна. Какая-нибудь Тюмень по уровню и качеству жизни может быть парадоксальным образом более европейской, чем какой-нибудь Ставрополь. И все же в целом постсоветская Россия начала XXI в. снова скорее противостоит Европе, чем сливается с нею.

Взгляд в будущее

Сойдутся ли вновь пути развития России и Европы, разошедшиеся более двух тысячелетий назад?

Несомненно, сойдутся! Весь вопрос в том, когда и где. Ведь, скажем, длительное противостояние Карфагена и Рима тоже закончилось тем, что их пути развития, так сказать, сошлись: сначала Рим раздавил Карфаген, а затем сам пал под натиском варваров.

Современные прогнозы нацелены, как правило, на несколько десятилетий вперед, а потому их точность не слишком велика. Зато если попробовать представить себе мир через полвека, через век, точность в некоторых аспектах может заметно повыситься. Ведь «лицом к лицу лица не увидать».

Несомненно то, что мир под влиянием индустриальных и постиндустриальных (Интернет!) технологий развивается под влиянием доминирующей тенденции к унификации. Так что главный вектор развития однозначно ведет к миру «без России, без Латвий».

Весь вопрос даже не в том, будет ли это «единое человеческое общежитие» европейским или российским. Куда важнее, не окажется ли оно исламским и/или китайским. И, безусловно, очень существенно, в какой степени оно будет человеческим и просто будет.

В ближайшие полвека Европе, России и прочему миру придется как-то решить две острейшие проблемы.

Первая проблема – истощение индустриальных источников энергии (нефти и газа). Если с ней справиться удастся – путем ли перехода на новые (постиндустриальные) источники, путем ли перехода на новые (постиндустриальные) методы использования старых источников, – то сверкающий постиндустриальный мир станет общим будущим для всех. Раньше надежды возлагались на освоение космоса, но сейчас эти надежды

сильно поблекли. Оказалось, что «космическая гонка» времен «холодной войны» - это забегание вперед. Сейчас человечество стоит *дальше* от полетов к Луне, чем это было в 1970-е гг. (старые аппараты отжили свой срок, новые рассчитаны почти исключительно на околоземное пространство). Если не произойдет «энергетической революции», то постиндустриальный мир может оказаться похожим на доиндустриальный. И далеко не все в него войдут. В него может не попасть вообще *никто*, если за последние капли бензина будут воевать до последнего патрона и до последней атомной боеголовки.

Вторая проблема – демографический дисбаланс между странами Запада (включая, в данном случае, и Россию) и странами Востока. Богатые и средние (как Россия) нации (точнее, основные этносы этих наций) страдают в той или иной степени от депопуляции. В то же время в бедных странах Азии, Африки и Латинской Америки продолжается демографический взрыв, увеличивая число бедняков, которые в принципе не могут стать «постиндустриалами». Проблема, конечно, не в том, будто «белая раса» боится быть уничтоженной «желтой расой» и «черной расой». Френсис Фукуяма (этнический японец), Эрнандо де Сото (перуанец), Артур Льюис (афро-британец) и многие им подобные убедительно показывают, что защищать европейские ценности и развивать европейскую культуру может кто угодно. Весь вопрос в том, сможет ли уменьшающаяся горстка европейцев передать свои основные ценности (прежде всего, рационализм, индивидуализм и демократию) огромной массе мусульман, индуистов и конфуцианцев. История поздней Римской империи убедительно демонстрирует, как варвары могут опрокинуть старую цивилизацию путем, прежде всего, простого численного превосходства. И тогда постиндустриальное общество может приобрести очень неожиданные оттенки. Ведь Интернет можно использовать как для электронных референдумов, так и для «электронного джихада».

Обе эти проблемы можно откладывать в «долгий ящик» еще десятилетие-другое, но к середине XXI в. их решение станет уже неотложным. Главный вопрос в том, кто будет решать. США свою роль «глобального полицейского» пока еще выполняет. Однако специалисты по мир-системному анализу, обобщая исторический опыт, утверждают, что военная гегемония какой-либо державы (Испании в XVI в., Великобритании во второй половине XIX в.) – это часто симптом приближения ее кризиса. Когда экономически старый лидер начинает проигрывать новым, то пушки остаются «последним доводом королей». Причем остаются не очень долго: новые «короли» рано или поздно демонстрируют более мощные «пушки». «Американский век» подходит к концу, но не понятно, кто станет новым лидером. А от вопроса, *кто* будет решать, сильно зависит, *как* будут решать.

Авторы книги считают себя умеренными оптимистами. У человечества есть хорошие шансы обеспечить Соединенным Штатам «мягкую посадку» и сформировать нечто вроде мирового правительствa на основе представительства *всех* цивилизаций. Механизм активной миграции позволяет представителям догоняющих цивилизаций заставлять считаться с собой безотносительно к военной и экономической мощи тех стран, где доминируют эти цивилизации. Скажем, в современном мире нет по-настоящему сильных исламских стран, но есть сильные группы граждан-мусульман во Франции, в России, в США и др. Поэтому абсолютное лидерство цивилизации (Западной) Европы можно будет относительно безболезненно сменить полицивилизационными институтами лидерства. В этом случае удастся и найти энергию для всех, и обеспечить всем оптимальный уровень демографического воспроизводства. Мир станет более регулируемым, но менее монополизированным.

Европейцы XXII века станут, видимо, похожи на современных американцев, представляя собой смесь белых, черных и желтых рас. Уступив в первой половине XX в. мировое лидерство американцам, европейцы постепенно станут более активными «игроками» мировой политики, причем выступая не только за цивилизацию Европы.

Россиянин XXII века тоже, безусловно, будет в среднем более черноволосым и

темнокожим, чем современный россиянин. Будет ли он говорить по-русски? или по-английски? или по-китайски?...Будет ли «единая и неделимая» Россия, или на карте мира Московская Республика будет граничить с Русской Джамахирией и Русско-Китайской Народной Республикой? That is the question.

Текущий XXI век станет бифуркационным и для России, и для Европы. Не спрашивай, по ком звонит колокол, по России или по Европе...

**Взгляд в настоящее:
тактические
приоритеты**

Нынешнее поколение россиян, скорее всего, НЕ будет жить при постиндустриальном обществе. Решение энергетической и демографической проблем вряд ли произойдет раньше середины столетия. Нам жить здесь – в стране догоняющего развития. Для нас ближайшая цель – это социальное рыночное хозяйство. Хотя эта модель придумана не нами, России надо отыскать свой путь к этой модели развития. Ориентируясь на опыт более развитых стран, никогда не удастся пройти след в след по их колее. Нам надо найти свою – новую! – колею.

Попытаемся сформулировать тактические и стратегические приоритеты на ближайшие годы.

Современная Россия страдает от «ресурсного проклятия». Чтобы избавиться от него, полученные от продажи топлива и сырья средства надо использовать для развития передовых технологий. Их можно потратить, делая упор на развитии либо государственного, либо частного сектора.

К первому пути склоняются авторы «Прогноза инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года с учетом мировых тенденций». Они считают, что при инерционном сценарии развития государственный уклад сократится с 31% в 2004 г. до 19% в 2030 г., а доля среднего и крупного возрастет с 41% в 2004 г. до 49% в 2030 г., а присутствие иностранного капитала удвоится с 8 до 16% (Рис. 3-1). При реализации же инновационно-прорывного сценария развития доля государственного уклада должна возрасти к 2030 г. до 34%, тогда как крупного и среднего капитала должна сократиться до 38%, доля иностранного капитала – до 6%. Их место отчасти займёт мелкотоварный сектор, доля которого вырастит с 8% до 14%.

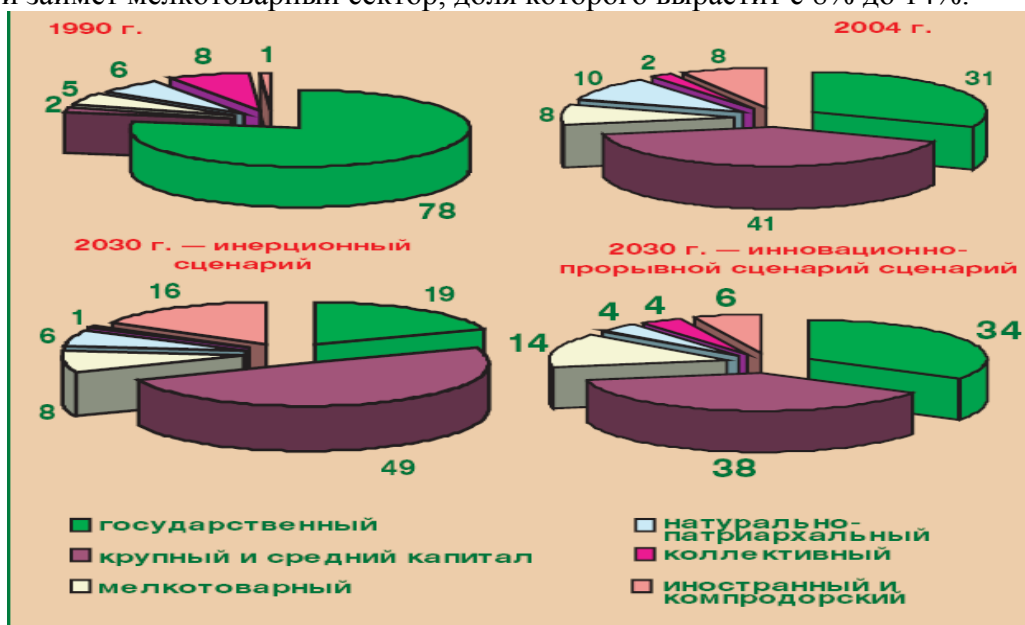

Рис. 3-1. Прогноз динамики институциональной структуры экономики России по укладам (%).

Источник: Прогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года с учетом мировых тенденций. М.: Институт экономических стратегий 2006, С. 35

Это означает, что ведущую роль в реализации инновационного сценария развития страны академики РАН отводят государству. Оно, по их мнению, должно взять на себя основную часть расходов (как в производственной, так и в социальной сфере), выступить в качестве стратегического инвестора в ключевых отраслях экономики.

Однако далеко не все столь оптимистично оценивают тенденцию к огосударствлению экономики. Скажем, Майкл Портер и его коллеги, авторы концептуального доклада «Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики», также соглашаются, что усиление государства в России неизбежно. Но они отводят ему иную роль. Американские ученые считают, что главную роль государства заключается в укреплении макроэкономического, политического, правового и социального компонентов институциональной среды. С их точки зрения, для экономического развития России необходимо:

- «создать эффективную и независимую систему юридических учреждений»;
- «улучшить функциональные возможности и профессионализм государственных учреждений» и
- «следовать принципам обеспечения конкуренции для улучшения качества коммунальных и социальных услуг»

Это означает, что «государству нужно отказаться от вмешательства в судопроизводство, даже когда его не устраивают принимаемые решения»²³². Считая порочной, сохраняющуюся практику чрезмерного участия российского государства в управлении предприятиями, они считают, что «необходимо повысить прозрачность, профессионализм и эффективность административного контроля»²³³.

Россия могла бы выиграть, установив взаимовыгодные экономические связи со всеми близлежащими странами. Для установления этих связей отнюдь не обязательны федеральный уровень. «Следует поощрять регионы, - пишут они, - сотрудничать с прилегающими странами... Необходимо дать регионам и муниципальным образованиям возможность самостоятельно заключать взаимовыгодные соглашения без чрезмерного вмешательства федеральных властей»²³⁴. Однако не очень похоже, что при современном авторитарном режиме это стало возможным.

Безусловным приоритетом современного развития России является укрепление личной свободы и развитие инициативы. «У народа, не привыкшего к самостоятельной деятельности ради общего интереса, - писал Джон Стюарт Милль, - у народа, который ожидает от своего правительства соответствующих указаний и распоряжений по всем вопросам, представляющим общий интерес, способности развиты лишь наполовину»²³⁵. Для этого необходимо не только поднятие материального благосостояния (поскольку обнищавший забитый человек далеко не всегда может воспользоваться своей личной свободой), но и развитие хозяйственной инициативы. Настоящим гражданином человек является лишь в той мере, в какой он ощущает себя членом общества и вносит свой посильный вклад в реализацию общей цели. нации.

Необходимо формирование национально ориентированного ведущего слоя общества. Не секрет, что в 1990-е гг. в России сложилась так называемая «оффшорная аристократия», которая перевела свои капиталы в зарубежные страны²³⁶. Беда не только в бегстве капитала; беда в том, что наша бизнес-элита не превращается в национальную буржуазию и связывает своё будущее с зарубежными странами.

Другой составной частью национально ориентированного ведущего слоя общества

²³² Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. М.: ЦСР, 2007. С. 82.

²³³ Там же. С. 84.

²³⁴ Там же. С. 80

²³⁵ Милль Д.С. Основы политической экономии. Т. 3. М., 1981. С. 348.

²³⁶ В связи с этим не удивительно, что такая страна, как Кипр вышла в начале XXI в. на одно из первых мест по вывозу капитала в Россию. На самом деле, в Россию после начала экономического роста возвращался российский же капитал, который находится в подобного рода оффшорных зонах.

является бюрократия, которая лишь постепенно превращается из советской номенклатуры в компетентных государственных служащих – неотъемлемую часть современного западного общества.

В формировании национальной элиты важную роль должна сыграть передовая система образования и культура. К сожалению, и здесь существует много проблем. В настоящее время происходит расслоение российских вузов, которые усиливают и воспроизводят дифференциацию постсоветского общества. Даже в Советском Союзе существовало больше возможностей для представителей региональных центров пробиться на вершину пирамиды.

Крайне важной задачей, необходимой для сохранения российского общества как целого (а не механической совокупности богатой прозападной элиты и бедных «подданных»), является реализации социальной справедливости. Этому будут способствовать:

- Улучшение жилищных условий россиян, неуклонное повышение их благосостояния, развитая система долгосрочного кредитования, последовательное противодействие экономической преступности в жилищном строительстве и меры по стимулированию конкурентоспособности жилищного строительства.

- Создание среднесрочной программы повышения доходов ряда работников государственной службы – учителей, врачей, работников правоохранительных органов (акцент надо делать не на немедленном скачкообразном повышении, а на стабильном росте доходов, связанном с показателями эффективности их работы).

- Введение более строгих наказаний за коррупцию должностных лиц, внедрение принципа круговой поруки (при выявлении факта коррупции строго проверяются все ближайшие коллеги взяточника и задерживаются их служебный рост).

- Повышение прозрачности доходов. Высшим должностным лицам и ведущим предпринимателям предлагается публично (в Сети) размещать информацию о своем личном имуществе.

- Поощрение меценатства. Государство предлагает предпринимателям заниматься меценатством в пользу организаций культуры и науки, гарантируя освещение этих PR-мероприятий в СМИ и налоговые льготы.

***Взгляд в настоящее:
стратегические
приоритеты***

Попытаемся теперь сформулировать стратегические приоритеты на ближайшее десятилетие (на 2010-е гг.). Эти приоритеты должны указывать желаемые изменения самых общих «правил игры», которые воспринимаются и как цель, и как средство ее достижения.

Для развития **личной свободы** необходимо, прежде всего, укрепление доверия между субъектами. Современные экономисты и социологи называют фундаментальными институтами именно доверие между гражданами и доверие граждан к социально-экономическим организациям (государству, банкам и т.д.). Также важную роль играют развитие гарантий частной собственности и систематическая экономическая политика, содействующая свободе.

Не следует воспринимать всякое усиление российского государства как покушение на личную свободу. Если государство создаёт равные для всех правила игры, защищает малообеспеченные слои населения, требует честной уплаты налогов, добивается своевременной выплаты пенсий и зарплат, то в этом трудно усмотреть покушение на демократию.

Институциональные приоритеты в решении проблем **социальной справедливости** должны суммироваться каким-то емким и многозначным лозунгом, который был бы привлекателен для россиян разной идеологической ориентации. Возможны, скажем, следующие варианты:

- «Поставить рыночное хозяйство на службу социальному».

- «Бедными можно быть поодиночке; чтобы достойно жить, мы должны действовать сообща».
- «Основа России – средний класс».
- «Сломать административные барьеры, создать общественный контроль».
- «Стимулировать «региональные локомотивы роста».
- «Осуществлять адресную поддержку уязвимых регионов и обеспечение в них условий для улучшения качества жизни населения как одного из критериев целостности России».

Для повышения *экономической дееспособности* можно предложить следующий набор институциональных приоритетов:

- Создание и поддержание конкурентного порядка, усиление антимонопольной деятельности.

- Переключение приоритетов хозяйственной деятельности с рентоискательной на производительную деятельность и повышение имиджа честного предпринимательства. В 1990-2000-е гг. доход предпринимателей (особенно, высшего звена) сильнее зависел от их участия в «политических играх» и от элементарной коррупции, чем от совершенствования производства. В результате российские бизнесмены приобрели крайне негативную репутацию «легальных преступников», рядовые россияне одобряют любые меры по «раскулачиванию». Чтобы бизнес завоевал уважение россиян, необходимо минимизировать коррупцию и ввести лоббизм в правовые рамки.

- Независимость страны от внешнего экономического давления. Следует добиваться независимости от «нефтедолларов» и от зарубежных кредиторов (типа МВФ). При этом категорически не следует отказываться ни от экспорта нефти и газа, ни от использования зарубежных кредитов. Речь идет о том, чтобы никакие зарубежные события и организация не могли оказывать существенного влияния на выбор россиянами путей развития своей страны.

- Проведение разумного протекционизма в переходный период. Защита национальной промышленности и в этой связи оправданность мер по защите внутреннего рынка, особенно в переходный период, пока хозяйственное развитие в стране не набрало необходимый темп.

- Рост привлекательности России для притока из-за рубежа работников. В ближайшие годы Россия обречена жить под дамокловым мечом «демографической катастрофы» - сокращения числа граждан в трудоспособном возрасте. Поэтому одним из важнейших приоритетов должно быть расширение использования иностранной рабочей силы – главным образом, из ближнего зарубежья.

- Развитие интеграционных отношений со странами ближнего зарубежья («экономическое восстановление единого постсоветского пространства»). Во всем мире укрепляются интеграционные блоки, экономически объединяющие страны с общими границами и с общими проблемами развития (ЕС, НАФТА, АТЭС). Дезинтеграция постсоветского пространства должна смениться интеграцией. Россия не собирается покушаться на политическую независимость Украины, Казахстана, Белоруссии и т.д., но должна твердо держаться курса на их экономическое объединение.

В качестве общих лозунгов возможны следующие варианты:

«Россия учится у Запада и Востока, с тем, что бы быть самобытной евразийской экономической державой.»

«Немцы создали эффективную модель социального рыночного хозяйства XX века, россияне создадут эффективную модель социального рыночного хозяйства XXI века.»

«Россия будет изменяться, не изменяя себе.»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Завершая работу над нашей книгой, авторы случайно наткнулись на малоизвестное стихотворение Н.А. Добролюбова «В прусском вагоне», написанное им в 1860 г. Нам показалось, что почти 150 лет назад этот русский писатель гениально предвосхитил наши современные рассуждения о путях развития России и Европы. Любопытно, что поводом к написанию этого стихотворения ему послужило знакомство с Пруссией – очень может быть, что именно с Восточной Пруссией (нынешней Калининградской областью). Считаем необходимым в заключение нашей книги процитировать это стихотворение.

В ПРУССКОМ ВАГОНЕ

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу,
С колеи рутинной.

Часом в час рассчитан
Путь его помильно...
Воля, моя воля,
Как ты здесь бессильна.

Толи дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосую.

Не хочу я прямо -
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посеvy.

Но, увы, уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполины.

Сыплют иностранцы
Русские мильоны,
Чтобы русской воли
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слепой рутине:
Мы дадим дух жизни
И самой машине.

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.

То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За метелью станет
Суток трое в поле.

А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу,
Сильную в сем мире.

Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполины.

Верю: все машины
С русскою природой
Сами оживятся
Духом и свободой!

SUMMARY

The problem of relations between Russia and Europe - one of the oldest problems of Russian social science. For several hundred domestic and foreign thinkers painfully trying to understand: whether Russia «special» Europe? or it is not Europe? Could it be Europe? The authors of the book offer a detailed explanation of how and why are converging and the repulsion of the Russian and European civilizations.

The key to understanding the relationship between Russia and Europe, the authors of the monograph find in institutional economic history - the history, understood as the science of the processes of emergence and development of «rules», defining relations between people. For the analysis of economic history in the proposed institutional model of stages development, according to which human development is allocated five progressive (relative to the primitive society), socio-economic systems - «Asia», ancient, feudal, capitalist and post-capitalist. This approach is based on the connection of D. North new institutionalism to the theory of socio-economic systems. Economic development is seen as a global competitive economic systems and institutions, in which the selection of the most effective models of development. In the history of mankind, there are two parallel ways of development. The first («east path») is based on the institutions of government-owned, the second («westernize») - in the institutions of private property. On the first path was most early state civilizations, but it generally has been less progressive. The transition from pre-industrial to an industrial social order of Western society can only path to development.

The book consists of three parts. The first part («How dispersed the development of Russia and of Europe» - Ch. 1-4) is devoted to pre-industrial societies. It is proved that in the middle of II thousands of Russian Civilization is qualitatively different from the West. The second part («European way of development: from capitalism to postindustrial society» - Ch. 5-9) examines the institutional characteristics of the genesis and development of the western industrial capitalist society. Finally, the third part («Russian way of development: between East and West» - Ch. 10-13) examines the experience of catching the Russian development of the XVIII century to our days, during which it was created is not an industrial-capitalist society.

In the 1st chapter examines the «state system of rural communities in the Asian mode of production» as the earliest stage of civilized development. This social structure is based on the institutions of power-property and government-owned exchange activities (including rent-a tax service) between the State class and subjects. Medieval Russia (Muscovia) in the framework of this concept is seen as a peripheral version of the Asian mode of production.

2nd chapter deals with the first experience of economic and political democracy in ancient societies. In ancient economic system for the first time the institutions are privately owned, allowing for the independence of the individual from state power. The flip side of democracy for the free development of a slave life. This experience proved to be fragile - in the era of Late Antiquity begins the dismantling of democratic institutions.

Feudal society of medieval Europe, which is in the 3rd chapter, it was compared with the antiquity and setbacks, and progress. Feudalization accompanies with ancient cities role falling and barter economy spreading, but she was able to restore the shattered unity of property and labor. Feudality Europe could provide a relatively high level of commodity-money relations (denying, however, the principles of free competition), and the further progress of private property.

Medieval Russia, as is proved in the 4th chapter, ranged between eastern and western ways of development. On the one hand, especially the working environment of Russian civilization and a strong institutional impact «oriental despotism» (Byzantium, the Golden Horde, Turkey) led to the dominance of government-owned, first in Moscovia, and then across Russia. On the other hand, the power-property rights in Russia met with competitive private

property, which was dominant in the Russian state, the alternative Moskovia - in Novgorod and the Russian-Lithuanian state.

In the 5th chapter examines the genesis of capitalism in Western Europe, early new age. While the debate about the assumptions of capitalist market economy is not yet complete, it is clear that the most important institution specification of property rights to foster competition. Formation of capitalism has been both spontaneous and consciously controlled process, which is strongly influenced by shifts in ideology (the birth of the Protestant ethic, and political economy).

Capitalism finally won in Europe in the early XIX century in process of industrial revolution, as described in chapter 6. The authors consider the stage of development of capitalism in the industrial and socio-economic consequences of the Industrial Revolution - first of all, the subjection of labor capital and the transition to self-sustaining growth. The industrial revolution gave to Europe an opportunity to not only catch up and quickly overtake the East in all socio-economic indicators, but also politically subordinate to them, denying the right to self-selected options for further development.

In the 7th chapter examines a mature industrial society the second half of the XIX century. The second industrial revolution is not only technical but also organizational innovations (teylorizm, fordizm, meyoizm) related to scientific organization of labor. Already in this period began the sunset of free competition under pressure from large corporations, unions and the powerful who have oligopolistic regulation.

Analyzed in the 8th chapter systemic crisis of capitalism (1914-1945) was a turning event in the evolution of capitalism. The First World War and the Great Depression proved convincingly that the ideology of the spontaneous development of oligopolistic competition and lead to the political and economic failures that could lead society to the loss. Reforms of the 1930-1950, which had a strong influence of the Second World War, ended in victory for the ideology and practice of «controlled capitalism».

9th chapter gives an overview of major trends in Western society during the preparation and deployment of scientific and technological revolution. In today's world, a pluralistic system of centralized management, when the choice of development is happening on several levels (sectoral, national and international) as a result of the interaction of many actors (TNCs, national governments, civil society institutions, regional economic blocs, the international economic organizations, etc.). The purpose of this regulation is the formation of post-industrial society, which still is more desirable goal than a reality: not a new power base, no problem broadcasting institutions in the country's post «Third World».

As indicated in the 10th chapter, Russia began to pursue a policy of deliberate Europeanization from the time of Peter I, before any other country in the development of catching, but it was not too effective. On the one hand, in the XVIII century. institutions of private ownership of nobility were established, and in the early twentieth century - private ownership of farmers. These reforms have given a strong impetus to economic growth in Russia. On the other hand, however, not been able to achieve a merger of state reform «top» trends modernization «bottom». The development of commodity-money relations in the village, where lived the majority of Russians, were pre-capitalistic stage. Russian capitalism in the early twentieth century concentrated mainly in the urban economy and remained enclave, inorganic. This led to the relative ease of the new onslaught of government-owned institutions since 1917.

The Soviet command economy is seen in the 11th chapter, as one of the varieties of neo traditional economies: in Soviet Russia artificially recreated institutions, using the archaic («Asian») methods for the mobilization of labor resources and their exploitation for the development of modern industrial production. Basic institutions of the Soviet economy became total bureaucratic planning and state monopoly. Modernization in Russia has been able to solve the problem of primary industrialization (industrial revolution). However, to meet the challenges of the technological revolution it is fundamentally unable to, since it was based not on stimulation, while limiting initiatives «bottom». «Grave-digger» Soviet command economy

began a systematic deficit (especially consumer goods) and the bureaucracy, gradually get rid of the «socialist» ideology.

The dismantling of the Soviet system, which can be found in the 12th chapter, became inevitable after the decline in the 1980s flow of revenues from energy exports. The reforms carried out under the slogan «return Russia to Europe», but a weak understanding of reformers of the institutional aspects of reform has led to very limited success Europeanization. In 1990s in Russia a «Latin America» model of capitalism, in which the possible integration of national economies in the capitalist system of economy, but not a breakthrough into a postindustrial society. Households demonstrated in many non-market adjustment to the market in business widespread paternalism and racketeering, the State has been the object of manipulation of the various lobby groups. In 2000 years under the influence of rising oil prices and the strengthening of the political regime of the Russian state has become less vulnerable to pressure of business groups. However, instead of the ideology of authoritarian modernization of the state ideology of stability and protects the interests of «bureaucratic bourgeoisie», which can be viewed as a partial regeneration of power-property.

The last, 13th chapter is devoted to finding ways to modernize the post soviet Russia. The authors point out that Russia has a large reserve of natural resources, which, however, when the existing institutional constraints are not so much motivation, but the development of the brake (the effect of «resource curse»). The existing government programs for long-term development of awareness of the need to include Russia in the STD, but did not indicate the actual institutional mechanisms of the process (with the exception of the high expectations on foreign investment).

Finally, the author sums up the book compares the development of Russia and Europe. In their view, if the early Middle Ages, Russia was still a «special Europe», then it became a «non-Europe». Attempts to reduce the institutional gap Russia from Europe were not successful because of the effect of track: after the victory of Russia in the medieval institutions of power-property «Westernization» was carried out with great difficulty, «fits and starts», but «east oriented» development was more «natural». As a result, modern Russia is very contradictory combines features of «special Europe» with the characteristics of «no-Europe». In the very long term (as in XXII) the way Europe and Russia will merge under the influence of the Unification of technical infrastructure, and advanced de-European the ethnic structure of the world's population. However, it is not yet clear how the decision will be the most pressing problems - energy and population. In coming years, the most urgent task the authors consider the construction of social market economy, Russia under the slogan «Russia is learning from the West and East in order to become a distinctive Eurasian Economic Power».

In almost every chapter of the book are included «Baltic History», which describes the brightest, but little-known episodes of social and economic history of the Baltic region (Kaliningrad region, Sweden and Novgorod, Finland and North Germany). This monograph is not only the original scientific papers. The authors tried to write a book in such a way that it can and read as a collection of popular scientific essays on economic history, and used as a sort of manual for the course of economic history and institutional economics.

DIE ANNOTATION.

Das Problem der Wechselbeziehungen Russlands und Europas ist eines der ältesten Probleme der russischen Gesellschaftswissenschaft. Noch etwas Jahrhunderte die einheimischen und ausländischen Denker versuchen qualvoll zu verstehen: ob Russland "besondere" Europa ist? Oder es überhaupt nicht-Europa ist? Ob es Europa werden kann? Die Autoren des Buches bieten die entfaltete Erklärung jenen, wie und warum geschah die Annäherung und die Abstoßung der russischen und europäischen Zivilisationen.

Für den Schlüssel zum Verständnis des Problems der Wechselbeziehung Russlands und Europas halten die Autoren der Monografie die institutionelle Wirtschaftsgeschichte – die Geschichte, die wie die Wissenschaft über die Prozesse des Entstehens und die Entwicklungen "der Spielregeln" verstanden wird, bestimmend die Beziehungen zwischen den Menschen. Für die Analyse der Prozesse der Wirtschaftsgeschichte in der Einleitung wird das institutionelle Modell der stadialen Entwicklung vorgeschlagen, laut der sich in der Entwicklung der menschlichen Gesellschaft fünf progressiv (in Bezug auf die Urgesellschaft) der sozial-ökonomischen Formationen – "asiatisch", antik, feudal, kapitalistisch und nachkapitalistisch heraushebt. Zugrunde dieses Herangehens liegt die Vereinigung des Institutionalismus von D.North mit der Theorie der sozial-ökonomischen Systeme. Die wirtschaftliche Entwicklung wird wie die globale Konkurrenz der Wirtschaftssysteme und der Institute betrachtet, in deren Prozess die Auswahl der wirksamsten Modelle der Entwicklung geschieht. In der Geschichte der Menschheit gibt es zwei parallele Wege der gesellschaftlichen Entwicklung. Ein («der östliche Weg») ist auf den Instituten der Macht-Eigentums, anderen («der westliche Weg») – auf den Instituten des Privateigentums gegründet. Nach dem ersten Weg ging die Mehrheit der frühen klassenbedingten Zivilisationen, jedoch hat er sich weniger progressiv insgesamt erwiesen. Den Übergang von der vorindustriellen zu industriellen Gesellschaftsordnung können nur die Gesellschaften des westlichen Weges der Entwicklung verwirklichen.

Die Monografie besteht aus drei Teilen. Der erste Teil («Wie haben sich die Wege der Entwicklung Russlands und Europas getrennt " - 1-4 Kapitels) ist den vorindustriellen Gesellschaften gewidmet. In ihr wird bewiesen, was sich schon Mitte der II. Tausend die russische Zivilisation von der Westeuropäischen qualitativ unterschied. Der zweite Teil («der Europäische Weg der Entwicklung: durch den Kapitalismus in die postindustrielle Gesellschaft» - 5-9 Kapitels) betrachtet die institutionellen Gesetzmäßigkeiten der Genesis und der Entwicklung der westlichen industriellen kapitalistischen Gesellschaft. Endlich, der dritte Teil («der Russische Weg der Entwicklung: zwischen Osten und dem Westen» - 10-13 Kapitels) analysiert die Erfahrung der russischen einholenden Entwicklung vom XVIII. Jh. bis zu unseren Tagen, in dessen Lauf industriell nicht-kapitalistisch die Gesellschaft geschaffen war.

Im 1. Kapitel wird "das staatliche System ländlicher Gemeinden bei der asiatischen Weise der Produktion" wie die früheste Stufe der zivilisierten Entwicklung betrachtet. Diese Gesellschaftsordnung ist auf den Instituten der Macht-Eigentums und des Polyverpackungsaustausches von der Tätigkeit (einschließlich den rento-Steuerbetrieb) zwischen dem Staat-Klasse und der Klasse der Staatsangehörigen gegründet. Mittelalterliches Russland (Moskowija) wird im Rahmen der vorliegenden Konzeption wie die Peripherievariante der asiatischen Weise der Produktion betrachtet.

Der 2. Kapitel ist dem Erstlingsversuch der Wirtschafts- und politischen Demokratie in den altertümlichen antiken Gesellschaften gewidmet. Im antiken Wirtschaftssystem entwickeln sich die Institute des Privateigentums, die die Unabhängigkeit des Individuums von der Staatsmacht zulassen zum ersten Mal. Eine zirkulierende Seite der Demokratie für frei wurde die Entwicklung der Sklavenhalterweise. Diese Erfahrung hat sich labil erwiesen – schon in die Epoche der späten Antike fängt die Demontage der demokratischen Institute an.

Die feudale Gesellschaft mittelalterlichen Europas, die in 3 Kapitel charakterisiert wird, war im Vergleich mit der Antike und dem Regress, und dem Fortschritt. Die Feudalität wurde der Deurbanisierung begleitet und vom starken Wirtschaftsrückgang, jedoch konnte sie die

zerstörte Einheit des Eigentums und des Werkes wieder herstellen. Der Feudalismus konnte Europa das verhältnismäßig hohe Niveau der waren-geldlichen Beziehungen (verneinend, jedoch die Prinzipien der freien Konkurrenz) und den weiteren Fortschritt des Privateigentums gewährleisten.

Mittelalterliches Russland, wie im 4. Kapitel bewiesen wird, schwang sich zwischen östlich und westlich mit den Wegen der Entwicklung. Einerseits, die Besonderheiten der Produktionsumgebung der russischen Zivilisation und der starke institutionelle Einfluss «des östlichen Despotismus» (Byzanz, Goldene Horde, die Türkei) haben zum Dominieren der Macht-Eigentums zuerst in Moskowii, und dann und in ganzen Russland gebracht. Andererseits, die Macht-Eigentum in Russland stieß sich an die Konkurrenz des Privateigentums, die in den russischen Staaten, die Moskowia alternativ waren, - in Nowgorod und im Russisch-litauischen Staat, dominierte.

Im 5. Kapitel wird die Genesis des Kapitalismus in Westeuropa der frühen neuen Zeit analysiert. Obwohl die Diskussion den Vorbedingungen der kapitalistischen Marktwirtschaft noch nicht beendet ist, ist es offenbar, dass die wichtigste Rolle die Bildung der Institute der Spezifikation der Eigentumsrechte, die zu die Entwicklung der Konkurrenz beitragen, spielte. Die Bildung des Kapitalismus war gleichzeitig sowohl spontan, als auch dem bewusst regulierten Prozess, auf den den starken Einfluss die Verschiebungen in der Ideologie (die Geburt der protestantischen Ethik und die politische Ökonomie) geleistet haben.

Der Kapitalismus hat in Europa am Anfang des XIX. Jahrhunderts den Prozess der industriellen Revolution endgültig gesiegt, worum es sich im 6. Kapitel handelt. Die Autoren betrachten die Stadien der Entwicklung des Kapitalismus in die Industrien und die sozial-ökonomischen Folgen der industriellen Revolution – vor allem die Unterordnung des Werkes dem Kapital und den Übergang zur selbstunterstützten Größe. Die industrielle Revolution hat Europa ermöglicht die Länder Ostens nach allen sozialökonomischen Kennziffern nicht nur einzuholen und schnell überzuholen, sondern auch politisch sie unterzuordnen und auf die selbständige Auswahl der Wege der weiteren Entwicklung sie zu aberkennen.

Im 7. Kapitel wird die reife industrielle Gesellschaft der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts betrachtet. Die Zweite industrielle Revolution prägte sich nicht nur in technischen, sondern auch in planmäßigen Innovationen aus (Taylorismus, Fordismus, Mayoismus), die mit der wissenschaftlichen Organisation des Werkes verbunden sind. Schon in dieser Periode hat der Untergang der freien Konkurrenz unter dem Druck der grossen Gesellschaften, der Gewerkschaften und der starken Mächte angefangen, die oligopolistische Regulierung verwirklicht.

Die im 8. Kapitel analysierte Systemkrise des Kapitalismus (1914-1945) wurde Wendeereignis in der Evolution des Kapitalismus. Der Erste Weltkrieg und die Große Depression haben überzeugend bewiesen, dass die Ideologie der spontanen Entwicklung und der oligopolistischen Konkurrenz zu solchen politischen und Wirtschaftsmisserfolgen führen, die zum Niedergang die ganze Gesellschaft bringen können. Die Reformen der 1930-1950 Jahren, auf die den starken Einfluss der Zweite Weltkrieg geleistet hat, sind vom Sieg der Ideologie und der Praxis «des regulierten Kapitalismus» geendet.

Das 9. Kapitel gibt die Übersicht der Haupttendenzen der Entwicklung der westlichen Gesellschaft im Laufe der Vorbereitung und der Entfaltung der wissenschaftlich-technischen Revolution. In der modernen Welt hat sich das System der pluralistischen zentralisierten Regulierung, wenn die Auswahl der Wege der Entwicklung sofort auf einigen Niveaus (fach-, national und international) infolge der Wechselwirkung vieler Faktoren (TNK, die nationalen Regierungen, die Institute der Zivilgesellschaft, die regionalen Wirtschaftsblöcke, die internationalen Wirtschaftsorganisationen u.a. geschieht) gebildet. Das Ziel dieser Regulierung ist die Bildung der postindustriellen Gesellschaft, die bis schneller ein erwünschtes Ziel, als der Realität ist: es ist die neue Energiebasis nicht geschaffen, es ist das Problem der Translation der postindustriellen Institute auf die Länder «der dritten Welt" nicht entschieden.

Wie es im 10. Kapitel angewiesen wird, hat Russland die Politik der bewussten Europäisierung von der Zeiten Peters des I früher als jedes Land der einholenden Entwicklung durchzuführen begonnen, jedoch sie nicht besonders wirksam war. Einerseits, im XVIII. Jahrhundert waren die Institute des Privateigentums des Adels, und am Anfang des XX Jahrhunderts – des Privateigentums der Bauer geschaffen. Diese Reformen haben den starken Stimulus dem Wirtschaftswachstum Russlands gegeben. Andererseits, es misslang jedoch, nach der Verschmelzung der staatlichen Reformen "oben" mit den Tendenzen der Modernisierung "unten" zu streben. Die Entwicklung der waren-geldlichen Beziehungen im Dorf, wo die Mehrheit der Russen lebte, befand sich auf dem vorkapitalistischen Stadium. Der russische Kapitalismus am Anfang des XX Jahrhunderts wurde hauptsächlich in der städtischen Wirtschaft konzentriert und blieb als Enklave, unorganisch. Es hat zur relativen Leichtigkeit des neuen Druckes der Institute der Macht-Eigentums nach den Revolutionen 1917 gebracht.

Die sowjetische Kommandowirtschaft wird im 11. Kapitel wie eine der Abarten der neotraditionellen Wirtschaften betrachtet: in Sowjetischem Russland werden die Institute reproduziert, die archaischen ("asiatisch") Methoden der Mobilisierung der Arbeitsressourcen und ihres Betriebes für die Entwicklung der modernen industriellen Produktion künstlich verwenden. Die grundlegenden Institute der sowjetischen Wirtschaft wurden die totale bürokratische Planung und der staatliche Monopolismus. Die Kontermodernisierung in Russland konnte die Aufgabe der primären Industrialisierung (die industrielle Revolution) lösen. Jedoch die Aufgaben der wissenschaftlich-technischen Revolution sie grundsätzlich entscheiden konnte nicht, da sie nicht auf der Stimulierung, und auf der Beschränkung der Initiativen "unten" gegründet war. "Die Totengräber" der sowjetischen Kommandowirtschaft wurden das systematische Defizit (vor allem, der Massenbedarfsartikel) und die Bürokratie, die "der sozialistischen" Ideologie allmählich entging.

Die Demontage des sowjetischen Systems, über die im 12. Kapitel erzählt wird, wurde unvermeidlich nach der Senkung in 1980 des Stroms der Exporterlöse der Energieressourcen. Die Reformen wurden unter den Losungen "die Rückführungen Russlands zu Europa" durchgeführt, jedoch hat das schwache Verständnis von den Reformatoren der institutionellen Aspekte der Reformen zu den sehr begrenzten Erfolgen der Europäisierung gebracht. In 1990 Jahre hat sich in Russland "das lateinamerikanische" Modell des Kapitalismus gebildet, in deren Rahmen die Integration der nationalen Wirtschaft ins kapitalistische System der Wirtschaft möglich ist, aber es ist der Durchbruch zur postindustriellen Gesellschaft unmöglich. Die Haushalte demonstrieren in vieler Hinsicht die nicht Marktverwendung zum Markt; im Business den breiten Vertrieb haben den Paternalismus und den Racket bekommen; der Staat wurde ein Objekt der Manipulation verschiedener Lobbygruppen. In 2000 Jahre wurde der russische Staat unter Einfluß des Preisanstieges für das Erdöl und die Festigungen des politischen Regimes weniger unterworfen dem Druck der Geschäftsgruppen. Jedoch schützt anstelle der Ideologie der Modernisierung der autoritäre Staat die Ideologie der Stabilität und die Interessen «der bürokratischen Bourgeoisie», dass man wie die Teilregeneration der Macht-Eigentums betrachten kann.

Das letzte, 13. Kapitel ist der Suche der Wege der Modernisierung nachsozialistischen Russlands gewidmet. Die Autoren bezeichnen, dass Russland über den großen Vorrat der Naturschätze verfügt, die jedoch bei den existierenden institutionellen Beschränkungen nicht dem Stimulus, aber der Bremse der Entwicklung (der Effekt «den Fluch der Ressourcen»). In den existierenden Regierungsprogrammen der langfristigen Entwicklung wird sich die Notwendigkeit des Einschlusses Russlands in der wissenschaftlich-technische Revolution bewußt gewesen, aber es sind die realen institutionellen Mechanismen dieses Prozesses (mit Ausnahme der Hoffnungen auf die hohen ausländischen Investitionen) nicht angegeben.

Im Schluss ziehen die Autoren der Monografie das Fazit des Vergleiches der Wege der Entwicklung Russlands und Europas. Ihrer Meinung nach, wenn ins frühe Mittelalter Rus noch «besondere Europa» war, so wurde sie dann "nicht-Europa". Die Versuche den institutionellen Rückstand Russlands von Europa zu verringern waren wegen des Effektes der Spur wenig

erfolgreich: "die Westernisierung" in mittelalterlichem Russland nach dem Sieg der Institute der Macht-Eigentums verwirklichte sich mit dem großen Werk, "mit den Rücken", dafür «die Osternisierung » ging viel "natürlicher". Daraufhin verbindet modernes Russland die Striche «besonderen Europas» mit den Strichen "nicht-Europa" sehr widersprüchlich. In der sehr langfristigen Periode (im XXII. Jahrhundert) werden, unbedingt, die Wege Europas und Russlands unter dem Einfluss wie die Unifizierungen der technischen Infrastruktur, als auch fortschreitende Deuropeisierung der ethnischen Struktur der Bevölkerung des Planeten zusammengezogen werden. Jedoch ist nicht klar, wie sich die Lösung der schärfsten Probleme – energetisch und demographisch verwirklichen wird. Auf die nächsten Jahre für die aktuellste Aufgabe halten die Autoren die Konstruktion in Russland der sozialen Marktwirtschaft unter der Losung "Russland lernt beim Westen und Osten, um eine eigenartige euroasiatische Wirtschaftsmacht zu werden».

In fast jedes Kapitel des Buches sind in Kondition des Kastens«die Baltischen Geschichten» aufgenommen, in die über hell, aber die wenig bekannten Episoden der sozial-ökonomischen Geschichte der Länder der baltischen Region (Gebiets Kaliningrad, Schwedens, Nowgorods, Norddeutschlands) erzählt wird.

Die vorliegende Monografie ist nicht nur der originellen wissenschaftlichen Arbeit. Die Autoren bemühten sich das Buch von solchem Stil zu schreiben, damit sie wie die Sammlung der populärwissenschaftlichen Skizzen in der Wirtschaftsgeschichte gelesen werden konnte, und wie eigentümliche lehr-methodische Unterstützung für die Kurse der Wirtschaftsgeschichte und der institutionellen Wirtschaft verwendet werden konnte.

CONTENTS

INTRODUCTION. WHAT IS THE PATH DEPENDENCE?	6
0.1. Institutionalism as a foundation for the theory of economic history,	6
0.2. Institutional economic history and the path dependance theory	11
0.3. Fothcoming institutional economic history: the history of competition of institutions	14
PART I. HOW DIFFERING WAYS OF DEVELOPMENT OF RUSSIA AND EUROPE	20
CHAPTER 1. STATE SYSTEM OF RURAL COMMUNITIES IN ASIAN MODE OF PRODUCTION	20
1.1. Asian mode of production genesis	21
1.2. Politarny exchange of activities	27
1.3. Evolution of the Asian mode of production over time - from the ancient world to modern times	32
1.4. Evolution of the Asian mode of production in space - from China to Russia	35
CHAPTER 2. AT THE ROOT OF THE EUROPEAN MIRACLE (FIRST EXPERIENCE OF THE ECONOMIC AND POLITICAL DEMOCRACY).	44
2.1. Dualism of the antique “polic”	44
2.2. Slavery as an economic institution	50
2.3. The crisis of the antique “polic” and the reasons for the growing role of the Government	55
CHAPTER 3. STEP BACKWARD, TWO STEPS FORWARD (ECONOMIC REGRESS AND PROGRESS IN FEUDAL SOCIETY)	64
3.1. The genesis of feudalism	65
3.2. The forms of personal dependence, under feudality	69
3.3. Classical feudalism: the unity of ownership and labor	72
3.4. Genesise of alienation. Features of market economy under feudalism	76
CHAPTER 4. MEDIEVAL RUSSIA BETWEEN EUROPE AND ASIA	85
4.1. The production environment of Russian civilization	85
4.2. Imports of "oriental despotism" institutions into Russia	89
4.3. Institutional competition in the medieval Russia	95
PART II. EUROPEAN WAY OF DEVELOPMENT: THROUGH CAPITALISM TO POST-INDUSTRIAL SOCIETY	105
CHAPTER 5. GENESIS OF CAPITALISM: THE ROLE OF INSTITUTIONS FAVOURABLE TO COMMERCE	105
5.1. The institutional preconditions of market economy	105
5.2. Sso-called primitive accumulation of capital	110
5.3. The emergence of capitalism in England and Spain: a comparative analysis	112
5.4. Three echelons of capitalism development	113
5.5. Was the genesis of capitalism, a spontaneous process?	115
CHAPTER 6. INDUSTRIAL REVOLUTION - FORMATION OF INDUSTRIAL SOCIETY	119
6.1. Three stages of development of capitalism in the industry:	119
6.2. The economic impact of the industrial revolution. Gold standard and its evolution	125
6.3. The effects of the Industrial Revolution: neotraditsional institutional system	128
6.4. The concept of transition to self-sustaining growth	132
CHAPTER 7. A MATURE INDUSTRIAL SOCIETY: FROM THE ERA OF FREE COMPETITION - TO THE WOLD OF OLIGOPOLY	137
7.1. Technical progress in industrial society. The second industrial revolution	137
	295

7.2. Development of scientific organization of labor management	143
7.3. The Fall of Free Competition	147
7.4. Oligopolization of the world	149
CHAPTER 8. SYSTEMATIC CRISIS CAPITALISM 1914-1945 HS.	152
8.1. The First World War: the crisis is not found permits	153
8.2. The Great Depression: Updating economy crisis,	160
8.3. The Second World War: the crisis, entrenched institutional change	167
CHAPTER 9. WEST WORLD TOWARDS POSTINDUSTRIAL SOCIETY	172
9.1. Theories of post-industrial society as an ideology of regulation	172
9.2. «Big Business» as a planning system	176
9.3. National regulation of public and voluntary organizations	179
9.4. Formation of supernational regulatory institutions	192
9.5. Increasing role of human capital as a result and a prerequisite for economic development	196
PART III. THE RUSSIAN WAY OF DEVELOPMENT: BETWEEN EAST AND WEST 200	
CHAPTER 10. CONTRADICTIONS OF CATCHING DEVELOPMENT OF IMPERIAL RUSSIA	200
10.1. Exemption from precapitalist institutions	200
10.2. The formation of capitalist institutions	205
10.3. The results of capitalist modernization	211
CHAPTER 11. COMMAND ECONOMY (THE SUCCESSES AND FAILURES CONTRAMODERNISATION).	218
11.1. Formation of the Soviet command economy	218
11.2. Planning and monopoly - the basic institutions of the Soviet economy	222
11.3. Deficit and bureaucracy - "grave digger" of the Soviet command economy	230
CHAPTER 12. DISMOUNTING SOVIET SYSTEM AND ITS CONSEQUENCES	239
12.1. Market economic reforms	239
12.2. Households: Non-market adjustment to the market	244
12.3. Enterprises: economy of individuals, paternalism, barter and racketeering	247
12.4. Government: the historical fate of power-Property	251
CHAPTER 13. RUSSIA: INSTITUTIONAL DEVELOPMENT RESERVES.	258
13.1. The deepening of commodity specialization of Russia at the Turn of Centuries	259
13.2. The slowdown of technological progress	264
13.3. Institutional barriers to the growth of market economy.	267
13.4. Search for a modernization of Russia	270
CONCLUSION. WHEN AND WHERE WILL MEET RUSSIA AND EUROPE?	281
SUMMARY	288
DIE ANNOTATION	291
CONTENTS	295
DER INHALT	297

DER INHALT

DIE EINLEITUNG. WAS IST EFFEKT DER SPUR?	Ошибка! Закладка не определена.
0.1. Der Institutionalismus wie das Fundament der Theorien der Wirtschaftsgeschichte	Ошибка! Закладка не определена.
0.2. Die institutionelle Wirtschaftsgeschichte und die Theorie der Abhängigkeit von der vorangehenden Entwicklung	Ошибка! Закладка не определена.
0.3. Die institutionelle Wirtschaftsgeschichte, die bevorsteht zu schaffen: die Geschichte wie die Konkurrenz der Institute.....	Ошибка! Закладка не определена.

DER TEIL I. WIE HABEN SICH DIE WEGE DER ENTWICKLUNG RUSSLANDS UND EUROPAS GETRENNT ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

DAS KAPITEL 1. DAS STAATLICHE SYSTEM LÄNDLICHER GEMEINDEN BEI DER ASIATISCHEN WEISE DER PRODUKTION	Ошибка! Закладка не определена.
1.1. Die Genesis der asiatischen Weise der Produktion	Ошибка! Закладка не определена.
1.2. Der Polyverpackungsaustausch von der Tätigkeit	Ошибка! Закладка не определена.
1.3. Die Evolution der asiatischen Weise der Produktion in der Zeit – von der Alten Welt bis zur Gegenwart	Ошибка! Закладка не определена.
1.4. Die Evolution der asiatischen Weise der Produktion im Raum – von China bis zu Russland	Ошибка! Закладка не определена.

DAS KAPITEL 2. BEI DEN QUELLEN DES EUROPÄISCHEN WUNDERS (DEM ERSTLINGSVERSUCH DER WIRTSCHAFTS- UND POLITISCHEN DEMOKRATIE)	Ошибка! Закладка не определена.
2.1. Der Dualismus der antiken Police und der Form seiner Lösung.....	Ошибка! Закладка не определена.
2.2. Die Sklaverei wie das Wirtschaftsinstitut	Ошибка! Закладка не определена.
2.3. Die Krise der Police und des Grundes des Anwachsens der Rolle des Staates	Ошибка! Закладка не определена.

DAS KAPITEL 3. DER SCHRITT RÜCKWÄRTS, ZWEI SCHRITTE VORWÄRTS (DER WIRTSCHAFTSREGRESS UND DER FORTSCHRITT IN DER FEUDALEN GESELLSCHAFT)	Ошибка! Закладка не определена.
3.1. Die Genesis des Feudalismus.....	Ошибка! Закладка не определена.
3.2. Die Formen der Hörigkeit beim Feudalismus	Ошибка! Закладка не определена.
3.3. Der klassische Feudalismus: die Einheit des Eigentums und des Werkes	Ошибка! Закладка не определена.
3.4. Das Entstehen der Beziehungen der Abhängigkeit von den Sachen . Die Besonderheiten der Marktwirtschaft beim Feudalismus	Ошибка! Закладка не определена.

DAS KAPITEL 4. MITTELALTERLICHES RUSSLAND ZWISCHEN EUROPA UND ASIEN	Ошибка! Закладка не определена.
4.1. Die Produktionsumgebung der russischen Zivilisation.....	Ошибка! Закладка не определена.
4.2. Der Import zu Russland Institute "des östlichen Despotismus"	Ошибка! Закладка не определена.
4.3. Die institutionelle Konkurrenz in mittelalterlichem Russland	Ошибка! Закладка не определена.

DER TEIL II. DER EUROPÄISCHE WEG DER ENTWICKLUNG: DURCH DEN KAPITALISMUS IN DIE POSTINDUSTRIELLE GESELLSCHAFT ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

DAS KAPITEL 5. DIE GENESIS DES KAPITALISMUS: DIE ROLLE DER INSTITUTE, DIE DER ENTWICKLUNG DES UNTERNEHMERTUMS GÜNSTIG SIND	Ошибка! Закладка не определена.
5.1. Die institutionellen Vorbedingungen der Marktwirtschaft.....	Ошибка! Закладка не определена.
5.2. Die sogenannte ursprüngliche Ansammlung des Kapitals	Ошибка! Закладка не определена.
5.3. Das Entstehen des Kapitalismus in England und Spanien: die vergleichende Analyse	Ошибка! Закладка не определена.
5.4. Drei Staffeln der Entwicklung des Kapitalismus	Ошибка! Закладка не определена.
5.5. Ob die Genesis des Kapitalismus vom spontanen Prozess war?	Ошибка! Закладка не определена.

DAS KAPITEL 6. DIE INDUSTRIELLE REVOLUTION - DIE BILDUNG DER INDUSTRIELLEN GESELLSCHAFT	Ошибка! Закладка не определена.
6.1. Drei Stadien der Entwicklung des Kapitalismus in der Industrie:	Ошибка! Закладка не определена.
6.2. Die Wirtschaftsfolgen der industriellen Revolution. Der Goldstückstandard und seine Evolution	Ошибка! Закладка не определена.
6.3. Die Folgen der industriellen Revolution: die neotraditionellen institutionellen Systeme	Ошибка! Закладка не определена.

6.4. Die Konzeption des Übergangs zur selbstunterstützten Größe **Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 7. DIE REIFE INDUSTRIELLE GESELLSCHAFT: VON DER EPOCHE DER FREIEN KONKURRENZ – ZUR WELT DER OLIGOPOL**Ошибка! Закладка не определена.**

7.1. Der technische Fortschritt in der industriellen Gesellschaft. Die zweite industrielle Revolution**Ошибка! Закладка не определена.**

7.2. Die Entwicklung der wissenschaftlichen Organisation des Werkes **Ошибка! Закладка не определена.**

7.3. Der Untergang der freien Konkurrenz..... **Ошибка! Закладка не определена.**

7.4. Die Oligopolisierung der Welt **Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 8. DIE SYSTEMKRISE DES KAPITALISMUS DIE 1914-1945 JAHRE**Ошибка! Закладка не определена.**

8.1. Der erste Weltkrieg: die Krise, die die Lösungen nicht fand **Ошибка! Закладка не определена.**

8.2. Die Große Depression: die Krise, die die Wirtschaft erneuerte **Ошибка! Закладка не определена.**

8.3. Der Zweite Weltkrieg: die Krise, die die institutionelle Umgestaltung festigte**Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 9. DIE WESTLICHE WELT AUF DEM WEG ZU DER POSTINDUSTRIELLEN GESELLSCHAFT.....**Ошибка! Закладка не определена.**

9.1. Die Theorien der postindustriellen Gesellschaft wie die Ideologie der Regulierung**Ошибка! Закладка не определена.**

9.2. «Das große Business» wie das planende System **Ошибка! Закладка не определена.**

9.3. Die nationale Regulierung staatlich und der gesellschaftlichen Organisationen**Ошибка! Закладка не определена.**

9.4. Die Bildung der Institute der überstaatlichen Regulierung **Ошибка! Закладка не определена.**

9.5. Das Anwachsen der Rolle des menschlichen Kapitals wie des Ergebnisses und der Vorbedingung der wirtschaftlichen Entwicklung..... **Ошибка! Закладка не определена.**

DER TEIL III. DER RUSSISCHE WEG DER ENTWICKLUNG: ZWISCHEN OSTEN UND DEM WESTEN..... **ОШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.**

DAS KAPITEL 10. DIE WIDERSPRÜCHE DER EINHOLENDEN ENTWICKLUNG KAISERLICHEN RUSSLANDS ***Ошибка! Закладка не определена.**

10.1. Die Befreiung von der vorkapitalistischen Institute **Ошибка! Закладка не определена.**

10.2. Die Bildung der kapitalistischen Institute **Ошибка! Закладка не определена.**

10.3. Die Ergebnisse der kapitalistischen Modernisierung **Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 11. DIE KOMMANDOWIRTSCHAFT (DIE ERFOLGE UND DIE MISSERFOLGE DER KONTERMODERNISIERUNG.).....**Ошибка! Закладка не определена.**

11.1. Das Entstehen des sowjetischen Kommandowirtschaftssystems **Ошибка! Закладка не определена.**

11.2. Die Planung und der Monopolismus - die grundlegenden Institute der sowjetischen Wirtschaft**Ошибка! Закладка не определена.**

11.3. Das Defizit und die Bürokratie - "die Totengräber" der sowjetischen Kommandowirtschaft**Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 12. DIE DEMONTAGE DES SOWJETISCHEN SYSTEMS UND SEINER FOLGE**Ошибка! Закладка не определена.**

12.1. Die Marktwirtschaftsreformen **Ошибка! Закладка не определена.**

12.2. Die Haushaltung: die nicht Marktverwendung zum Markt..... **Ошибка! Закладка не определена.**

12.3. Die Firma: die Wirtschaft der natürlichen Personen, des Paternalismus, des Tauschgeschäftes und des Racketes **Ошибка! Закладка не определена.**

12.4. Der Staat: die historischen Schicksale der Macht-Eigentums **Ошибка! Закладка не определена.**

DAS KAPITEL 13. RUSSLAND: DIE RESERVEN DER INSTITUTIONELLEN ENTWICKLUNG.**Ошибка! Закладка не определена.**

13.1. Die Vertiefung der Rohstoffspezialisierung Russlands auf der Grenze der Jahrhunderte**Ошибка! Закладка не определена.**

13.2. Die Verzögerung des wissenschaftlich-technischen Fortschritts **Ошибка! Закладка не определена.**

13.3. Die institutionellen Hindernisse für die Größe der Marktwirtschaft.. **Ошибка! Закладка не определена.**

13.4. Die Suche der Wege der Modernisierung Russlands **Ошибка! Закладка не определена.**

DER SCHLUSS. WENN UND WO DIE WEGE RUSSLANDS UND EUROPAS ÜBEREINSTIMMEN WERDEN? **Ошибка! Закладка не определена.**

ANSTELLE DES EPILOGS **Ошибка! Закладка не определена.**

SUMMARY..... **Ошибка! Закладка не определена.**

DIE ANNOTATION..... **291**

CONTENTS.....	Ошибка! Закладка не определена.	5
DER INHALT.....		297

Нуреев Рустем Махмутович

В 1972 году закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1990 – докторскую диссертацию.

Заслуженный работник Высшей школы РФ, доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории Государственного Университета – Высшая Школа Экономики, член Международной Ассоциации институциональных исследований, сопредседатель Европейской ассоциации научных и учебных институтов по проблемам развития (EADI), участник конференций по проблемам общественного выбора (PCS) и Международного общества специалистов в области новой институциональной экономики (ISNIE), участник международных исследовательских проектов.

Р.М.Нуреев является почетным профессором Донецкого национального технического университета и Института экономики, управления и права (г.Казань)

Сфера профессиональных интересов: микроэкономика, экономика развития, теория общественного выбора, институциональная экономика, экономическая история.

Р.М. Нуреев является автором 7 монографий, 20 учебников и учебных пособий и более 300 научных статей. Его работы были опубликованы в США, Германии, Польше, Словакии, странах СНГ.

Латов Юрий Валерьевич

В 1988 году закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2009 – докторскую диссертацию. Ученик Р.М. Нуреева, соавтор многих его работ.

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, полковник милиции, ведущий научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, доцент кафедры национальной экономики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, член Международной Ассоциации институциональных исследований, член Криминологической Ассоциации России.

Сфера профессиональных интересов: институциональная экономика, экономическая социология, экономическая компаративистика, экономический анализ преступности, экономический и социологический анализ теневой экономики, экономическая история, этносоциология, криминология.

Автор более 220 научных и учебно-методических публикаций по различным аспектам обществоведения.